

ВЧЕРА СЕГОДНЯ ЗАВТРА | 4

Яков Айзенштат

ИСК ДОЧЕРИ
ШАЛЯПИНА

и другие очерки
МОСКОВСКОГО
адвоката

ИСК ДОЧЕРИ
ШАЛЯПИНА
и другие очерки
МОСКОВСКОГО
адвоката

Jakob Aisenstat
Chaliapin's daughter
brings a lawsuit
and other sketches
by a Moscow
lawyer

With a preface
by Dora Shturman

Overseas Publications Interchange Ltd

Яков Айзенштат

ИСК ДОЧЕРИ
ШАЛЯПИНА
и другие очерки
МОСКОВСКОГО
адвоката

Предисловие
Доры Штурман

Overseas Publications Interchange Ltd

**Jakob Aisenstat: ISK DOCHERI SHALIAPINA I DRUGIE OCHERKI
MOSKOVSKOGO ADVOKATA.**

With a preface by Dora Shturman

**First Russian edition published in 1986
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England**

Copyright © Jakob Aisenstat, 1986

Copyright © Russian edition Overseas Publications Interchange Ltd, 1986

All rights reserved

**No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.**

ISBN 0 903868 49 0

Cover design by M. A. Pióro

Printed in Israel

СЛОВО О ПОДСОВЕТСКОМ МИРЕ

Собственно говоря, все, чем следует предварить "Иск дочери Шаляпина и другие очерки московского адвоката" Якова Айзенштата, сказано автором в его предисловии к собственной книге. Я хочу сделать лишь небольшое дополнение. Каждый из очерков Я. Айзенштата, юриста-практика с огромным опытом и ученого, кандидата юридических наук, занимателен и легко овладевает вниманием читателя. Очерки эти примечательны тем, что каждый из них представляет читателю какую-то из сторон советской жизни, как правило, тщательно скрываемую официозной печатью. Впрочем, в публикуемых в СССР газетных фельетонах время от времени возникают перед читателем сенсационные уголовные дела. Но они преподносятся читателю как некое нетипичное и даже одиозное исключение в благополучном течении советской жизни. Я. Айзенштат вскрывает это всепроникающее, хорошо устоявшееся лицемерие. Он ненавязчиво, но неотклонимо в каждом отдельном случае подчеркивает характерность и закономерность данного дела или типа дел для подсоветской реальности. Некоторые из этих дел, такие, например, как "Миллионер из Ташкента", были бы невозможны в демократическом мире, некоторые — вполне возможны (недостатка в уголовных преступлениях в свободных странах не чувствуется). Но особенность ситуации в том, что на Западе каждое одиозное преступление становится достоянием гласности и служит открытым источником для любых обобщений. Кроме того, демократический суд не стоит заведомо ни на чьей стороне в процессе рассмотрения дела и решает его так, как велят законы. В СССР же наиболее характерные для режима и общества преступления либо замалчиваются прессой, либо отрываются ею от их истинных социальных корней. Кроме этого, каждое дело, в котором хотя бы косвенно

замешаны интересы государства, решается в интересах государства — так, как трактует эти интересы партократия. И эта особенность советского судопроизводства подчеркнута автором "Очерков московского адвоката" весьма доказательно. Аналитический подход Я.Айзенштата к его тематике, умение почти в каждом частном случае разглядеть острую проблему и ее социальные корни, превращает его книгу в увлекательное исследование реальности, породившей эти сюжеты.

Думаю, что русский и русскоязычный читатель вне СССР (а если книга туда проникнет, то и в СССР) прочтает "Иск дочери Шаляпина и другие очерки московского адвоката" с большим интересом.

Дора Штурман

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемых читателю очерках излагаются подлинные уголовные и гражданские дела, в судебном рассмотрении которых автор принимал участие, либо в качестве защитника обвиняемых или представителя истца или ответчика. Автор записок проработал в Московской городской коллегии адвокатов 21 год. Участвовал в больших уголовных процессах о крупных хищениях, убийствах, разбойных нападениях, взятках, мошенничестве, изнасилованиях. Имел широкую практику по ведению сложных гражданских дел: по спорам об отцовстве, о детях, о разводах и разделе имущества супругов, о наследовании, о взыскании авторского вознаграждения за изобретения, о защите чести и достоинства граждан. В 1974 году сын автора выехал в Израиль, и после этого к обычным адвокатским делам и повседневным консультациям клиентов по различным правовым вопросам прибавилась деятельность по юридической помощи лицам, желающим выехать в Израиль и другие страны свободного мира. За восемь лет такой деятельности была оказана помощь в выезде тысячам людей, которые живут теперь в Израиле, США, различных странах Европы. В 1979 году за эту деятельность автор подвергся преследованиям. Находился несколько лет в отказе. В декабре 1982 года получил разрешение и приехал из Москвы в Иерусалим. Здесь автор работает в Еврейском университете Иерусалима, в Центре по исследованию и документации восточноевропейского еврейства.

Впервые теперь появилась возможность написать правду о своей адвокатской деятельности, рассказать о том, что представляет собой советская адвокатура, как она действует в условиях тоталитарного государства, где официально провозглашены права и свободы граждан, режим так называемой "социалистической законности", а в дей-

ствительности, в жизни, права и свободы граждан попираются и ущемляются на каждом шагу.

Многолетняя адвокатская практика позволяет наглядно на многих живых примерах показать полный разрыв, явное несоответствие между тем, что утверждает советская пропаганда, и тем, что происходит в жизни, в советских судах, при рассмотрении уголовных и гражданских дел, при столкновении интересов граждан и государственных учреждений, показать вмешательство партийно-государственного аппарата во все, роль и значение партийно-государственной элиты в жизни общества, пороки советской экономической системы, повсеместное пьянство, фарисейство в сексуальных вопросах, рост преступности среди несовершеннолетних, взяточничество везде и всюду.

Пороки советской экономической системы особо наглядно видны в делах о хищении так называемой социалистической собственности. Хищения распространены повсеместно и различаются лишь объемом похищенного. Рабочие воруют с предприятий, где работают, все, что можно вынести. К этому привыкли. Общественное внимание обычно привлекают крупные хищения, когда расхищается имущество на сотни тысяч, а то и миллионы рублей. Крупные расхитители организуют производство неучтенной "левой" продукции и выручку от ее реализации присваивают. Широко распространены хищения во всех строительных организациях. Начисляется заработная плата за работы, которые фактически не производились, или лицам, которые фактически не работали, и эта заработная плата присваивается участниками хищений. Аналогичные преступления широко распространены в студенческих и других строительных отрядах. Часто расхитители используют для хищений то, что колхозы экономически несостоятельны, и организуют при них подсобные производства, которые дают колхозу прибыль, но где имеется хорошая обстановка и для хищений. В 70-х годах в советских судах значительно увеличилось число дел о взятках. Взятки в России были широко распространены и в досоветское время. Однако такого распространения взяток, какое существует сейчас, страна никогда не знала. Взятки берут за прием в высшее учебное заведение, за прием на работу, за предоставление госу-

дарственной или кооперативной квартиры, за отпуск дефицитных товаров, даже за оформление выезда за границу. Суммы взяток различны и иногда достигают весьма значительных пределов.

В последнее время в подсоветской России официальные органы стремятся формально поднять авторитет адвокатуры. Впервые о праве на защиту и об адвокатуре упомянуто в основном законе государства — Конституции. Это сделано в общесоюзной Конституции, принятой 7 октября 1977 года, где в статье 158 говорится: "Обвиняемому обеспечивается право на защиту". В действительности очень часто обвиняемый лишается права на защиту, лишается права свободного выбора того адвоката, кого он пожелает. По всем политическим делам и по всем делам, расследование по которым проводит КГБ, а к ним относятся также дела о крупных хищениях, взятках, валютных преступлениях, все дела, где замешана элита или иностранцы, допускаются лишь адвокаты по особому списку, утвержденному КГБ. Таких адвокатов немного. Если же обвиняемый хочет пригласить для своей защиты другого адвоката, то этого адвоката не допустят, и обвиняемый либо будет вынужден согласиться на адвоката из списка КГБ, или вовсе остаться без адвоката. Таково его право на защиту в жизни, право на выбор защитника.

В статье 161 советской Конституции говорится: "Для оказания юридической помощи гражданам и организациям действуют коллегии адвокатов. Организация и порядок деятельности адвокатуры определяется законодательством Союза ССР и союзных республик". В действительности же организация и порядок деятельности адвокатуры определяются не законодательством, а находятся под полным контролем партийно-государственного аппарата. Формально коллегия адвокатов — общественная организация, а в жизни она под полным контролем Министерства юстиции и партийных органов. Ни один человек не может быть принят, например, в Московскую городскую коллегия адвокатов без согласия отдела административных органов Московского городского комитета партии.

Суды, в которых адвокаты осуществляют свою деятельность, находятся также под полным контролем партийно-

государственного аппарата. Этот аппарат не только определяет, кто будет "избран" судьей, но и диктует часто конкретные приговоры и решения по интересующим его делам. Периодически и довольно часто собирают судей на совещания и инструктируют их выносить как можно более суровые приговоры. Каждый судья знает, что за самый суровый приговор он не понесет никакой ответственности, а за мягкий он может быть подвергнут наказанию со стороны партийно-государственного аппарата, а то и просто снят.

В советской судебной системе установлен принцип "стабильности" вынесенных приговоров и решений. В результате кассационные инстанции почти не отменяют и не изменяют приговоры и решения, которые в этом нуждаются, ибо не соответствуют закону, справедливости, фактическим обстоятельствам.

В рассмотрении каждого уголовного и гражданского дела в суде 1-й инстанции участвуют один судья и два "народных заседателя", которые по закону обладают формально равными правами. В действительности в большинстве случаев заседатели полностью подчиняются судье, не знают и не понимают своих прав.

В статье 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР говорится: "Защитник обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих или смягчающих его ответственность, оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь".

Эти свои обязанности, указанные в законе, советский защитник-адвокат в реальной жизни подчас выполнить не может. Прежде всего, по всем политическим делам адвокаты боятся выяснять обстоятельства, оправдывающие обвиняемых. Когда же некоторые адвокаты пытаются это делать, их исключают из списка адвокатов, допущенных КГБ к ведению политических дел, исключают из партии, исключают из адвокатуры. Но даже и не по политическим делам адвокат в суде выступать свободно не может. Он всегда должен помнить, что его выступление может не понравиться какому-либо начальству, ему припишут политические или другие ошибки, и последуют различные санкции вплоть до исключения из адвокатуры.

В таких сложных условиях приходится работать адвокату в подсоветской России.

Автор поставил перед собой задачу показать на основе многих уголовных и гражданских дел такие социальные явления, которые не освещаются в советской печати, держатся в тайне, ибо советская пропаганда утверждает, что таких явлений в советской жизни вообще нет, а советская цензура запрещает о них упоминать в печати. К этим социальным явлениям относятся, например, проституция, дома терпимости, содержание притонов разврата, гомосексуализм, быт и нравы партийно-государственной элиты и многие другие явления советской жизни.

По понятным причинам имена некоторых обвиняемых по уголовным делам и лиц, проходящих по гражданским делам, изменены или опущены.

МИЛЛИОНЕР ИЗ ТАШКЕНТА

В 1963 году ко мне, московскому адвокату, обратились с просьбой родные обвиняемого поехать в Ташкент принять участие в окончании следствия и выступать в суде в защиту Хаима Мойсеевича Остера. Его обвинили в хищении на семь миллионов рублей. Родные были убеждены, что Остер будет приговорен к расстрелу. В эти хрущевские годы такие приговоры были широко распространены. Они пригласили меня для участия в следствии и суде с тем, чтобы я после суда добивался в Москве отмены смертного приговора. Мне было известно, что предполагается большой судебный процесс. По делу проходило 48 обвиняемых, вызывались сотни свидетелей, а Остер был главным обвиняемым по этому делу, или, как принято говорить, "паровозом". Предполагалось, что дело будет слушаться 3 месяца, но фактически судебный процесс продолжался семь месяцев, и за эти долгие месяцы я хорошо познакомился с Ташкентом и узбекской юстицией.

В чем же обвиняли Остера? Остер — мастер кистевязального производства. Обычно кисти изготовляли из щетины,

каковую покупали в Китае и тратили на это валюту. Между тем в Узбекистане в степях миллионы лет росла трава под названием "ирис джунгарский". Эту траву ни для чего не использовали, иногда местные жители употребляли ее как топливо. Кто-то привез из степи образцы этой травы Остера, он произвел опыты и пришел к выводу, что ее можно использовать вместо импортной щетины для производства кистей, в частности побелочных кистей, нужных на тысячах строек. Обладая большими хозяйственными организаторскими способностями и коммерческим талантом, Остер не просто произвел опыты с этой травой, а организовал заготовку ириса джунгарского в ряде областей Узбекистана, создал в Ташкенте несколько предприятий по его переработке и изготовлению побелочных кистей, завалил этими кистями, которые до этого были дефицитными, стройки Сибири, Урала, Украины. Тем самым принес государству миллионы рублей чистой прибыли, ибо кисти были хорошие, а вместо импортного сырья, оплачиваемого валютой, применялось растение, которое раньше вообще не использовалось. Я глубоко убежден, что если бы Остер был назначен министром любой отрасли промышленности, то он сумел бы обеспечить изобилие тех предметов, которые изготавливались бы предприятиями этого министерства. Остер не забыл и всех тех, кого он привлек к использованию ириса джунгарского. Были составлены такие ставки оплаты за его заготовку, нормы расхода и выхода готовой продукции, что многие десятки людей, а не только государство, обогатились на ирисе джунгарском. По советским законам это считается хищением, и рано или поздно Остер мог понести наказание. Как же возникло это уголовное дело? Остер был инвалидом Второй мировой войны. Под Сталинградом у него были отморожены и частично ампутированы стопы ног. Он поехал лечить спондилез в Цхалтубо (Грузия). Из Цхалтубо направился на несколько дней в Кутаиси. Там в местном грузинском театре шел спектакль "Отелло". Вокруг спектакля возник, как это бывает, сильный ажиотаж. Нельзя было достать ни одного билета. У Остера был лишний билет, и он уступил его одному грузину бесплатно. Этот грузин был очень признателен и счел необходимым его отблагодарить. На следующий день грузин узнал,

в какой гостинице живет Остер, и привез ему в деревянной клетке живого медвежонка. Остер повез этого медвежонка в Ташкент, где к тому времени приобрел хороший дом с большим садом, и выпустил этого медвежонка в сад. Медвежонок сначала привлек внимание окрестных ребятишек, потом соседей и наконец председателя райисполкома. Кто-то сказал: "Что это за новый Троекуров?" А когда выяснилось, что в этом богатом доме с садом и медведем живет скромный мастер кистевязального производства, то сообщили в ОБХСС, и родилось дело, в котором было 66 солидных томов. Дело начиналось квитанцией "Аэрофлота" на перевозку клетки с медвежонком из Кутаиси в Ташкент. На судебном процессе говорили, что этот грузин оказал Остеру "медвежью услугу".

После семимесячного судебного процесса, проходившего в одном из клубов Ташкента, Остер был приговорен к смертной казни и помещен в специальную одиночную камеру в подвале ташкентской тюрьмы. Я стал добиваться отмены смертной казни и дважды прилетал из Москвы в Ташкент, чтобы повидать Остера. В одной из бесед он мне сказал: "Я не знаю, увенчаются ли ваши хлопоты успехом. Но я вам хочу сказать, что за время пребывания в этой подвальной камере смертника я изучил все звуки, которые до меня доносятся. В этом подвале сейчас сидит много людей, осужденных на смерть за хозяйственные и другие преступления, среди них много евреев. Когда кому-либо заменяют смертную казнь лишением свободы, то об этом объявляют днем и переводят в общее здание тюрьмы. На исполнение приговора берут всегда поздно вечером, и как исполняют приговоры, я не слышу, но когда людей вечером берут из камер, я слышу их стоны и крики. Недавно брали 5 евреев по одному делу, и я все слышал. Если мне суждено умереть, они от меня крика или стоны не услышат". Через Верховный суд Союза и Верховный суд Узбекистана удалось добиться, что 28 апреля 1964 года был издан Указ Президиума Верховного Совета Узбекистана о помиловании Остера и замене ему смертной казни 15 годами лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях особого режима. Остер попал в лагерь Караул-Базар (Бухарская область). Я дважды через пески пустыни добирался к нему в этот ла-

герь, чтобы обсудить вопрос о дальнейшем обжаловании приговора в порядке надзора. При первой беседе в лагере Остер рассказал мне, как ему объявляли об отмене смертной казни. По закону обязаны это делать немедленно. На самом деле, хотя Указ о помиловании его был издан 28 апреля, помощник начальника тюрьмы явился к нему 7 мая поздно вечером, велел перейти в другую камеру, оставить там вещи. Ничего не говоря об отмене смертной казни, рассчитывал, что сейчас начнутся стоны и крики, но этого не было. Тогда он сказал Остеру: "Ну и нервы же у вас!". После этого объявил о замене наказания. Такое объявление о замене является элементарным садизмом со стороны помощника начальника тюрьмы. В лагере особого режима в Караул-Базаре осужденные работали на каменоломнях. Остер в этом каторжном лагере организовал производство полиэтиленовых трубок для сельского хозяйства Узбекистана и стал руководителем этого производства. Долгие годы в Узбекистане не могли организовать производство этих трубок. После осуждения Остера и многих других за "ирис джунгарский" люди боялись прикоснуться к нему, и государство прежде всего лишилось миллионных прибылей, которые давало его использование. Через несколько лет решили восстановить это производство в исправительно-трудовых колониях Узбекистана, и к Остеру приезжали по месту отбытия им наказания проконсультироваться, как вновь наладить производство. Через некоторое время удалось Остеру снизить срок до 12 лет, перебраться для дальнейшего отбытия наказания в ИТК более мягкого режима на Украину, а потом и по отбытии срока освободиться из-под стражи. Вскоре после этого Остер приехал ко мне в Москву посоветоваться, как быть с большим гражданским иском, который был ему предъявлен. Это интересовало его в связи с намерением выехать в Израиль. При его аресте ни у него, ни у его семьи денег не нашли. Когда я беседовал на этот раз с Остером, я видел, что радость переполняет сердце этого человека. За адвокатские годы я много раз видел людей, освобожденных из-под стражи, а иногда и избежавших смертной казни, но тут я чувствовал, что Остер обрадован еще чем-то. Из последующего разговора выяснилась причина радости. В свое время по делу Остера

председательствовал в судебном заседании судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Узбекистана член Верховного суда Узбекистана Мазалов. Считалось, что он хорошо провел процесс, дал десяткам осужденных длительные сроки лишения свободы, дал Остеру смертную казнь и в порядке повышения был тогда назначен на работу в отдел помилований Президиума Верховного Совета Узбекистана. К моменту освобождения Остера выяснилось, что Председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана Ядгар Насриддинова брала взятки за помилования, и в этих взятках был замешан и Мазалов. Поскольку ко времени выявления этих взяток и других злоупотреблений Ядгар Насриддинова занимала еще более высокий пост, была Председателем Совета Национальностей Верховного Совета Союза, то ее не судили, а назначили заместителем министра союзного Министерства промышленности строительных материалов. Мазалова же и других лиц арестовали. Тогда радость Остера понятна. Он был не просто освобожден из-под стражи и избежал смерти, а на его место в месте заключения пошел тот, кто его осудил на смерть.

ВЗЯТКИ ЗА ПОСТУПЛЕНИЕ В ИНСТИТУТ

Взятки были широко распространены в России всегда. В подсоветской России они тоже были всегда, но особо широко распространились в последние годы. Нет никакой надежды на то, что их кто-либо и когда-либо сможет искоренить. Недаром великий русский писатель Салтыков-Щедрин сказал: "Взятка — женщина в летах, но вечно юная". В 60—70-х годах в подсоветской России в различных городах прошло много судебных процессов, где на скамьях подсудимых сидели преподаватели вузов, бравшие взятки за поступление в институт или за положительные отметки на курсовых экзаменах. Самым крупным из всех этих процессов был судебный процесс преподавателей Московского Всесоюзного заочного политехнического института—ВЗПИ. Это самое крупное высшее учебное заведение в стране.

В этом институте обучается 60000 студентов, и он имеет филиалы по всей стране. Дело рассматривалось судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда. На скамье подсудимых было 46 обвиняемых, из них 10 преподавателей института, а остальные — грузины, поступавшие в институт за взятки и являвшиеся посредниками при передаче взяток другими грузинами. Мне довелось по этому делу защищать главного обвиняемого — Александра Михайловича Левита, бывшего три года ответственным секретарем приемной комиссии, ассистента кафедры автомобилей, подготовившего уже кандидатскую диссертацию. Техника получения взяток и приема в институт была такая. Для поступления в институт нужно было сдать четыре экзамена. Левит платил преподавателю, принимавшему приемные экзамены, по сто рублей за каждую положительную отметку. Таким образом, ему положительные отметки на приемных экзаменах одного абитуриента стоили 400 рублей. Сам же абитуриент платил взятку в сумме от 3 до 5 тысяч рублей, и остальные деньги оседали у Левита, часть денег получал посредник. Постоянным посредником был проживавший в Москве грузинский врач Хачипуридзе. Он направлял приезжавших из Грузии "баранов" (так взяточники называли поступающих в институт) к Левиту, и за каждую "баранью голову" получал от Левита обусловленную сумму. Большинство поступающих в институт не знали русского языка, не могли заниматься в московском институте и вскоре после зачисления в институт сами отчислялись из него. На этом основании Левит и его соучастники наивно предполагали, что их дела не раскроются, не будут же "бараны" сами рассказывать, что они давали взятку. Ведь и за дачу взятки, а не только за ее получение, закон предусматривает строгое наказание. Возникает и другой вопрос, для чего же эти молодые люди из Грузии платили взятки, зачислялись в московский институт, если они не знали русского языка, не могли в этом институте заниматься и вскоре сами отчислялись. Причина была простая. В Грузии очень велик авторитет московского института. В каком-то грузинском городке или поселке юноша работает пекарем, а когда он представляет справку, что он студент московского вуза, его назначают заведую-

щим пекарней, а тут сразу появляется ”припек” и всякие другие доходы.

Как же было раскрыто это большое уголовное дело? Два двоюродных брата Замтарадзе и Верулайшвили заплатили Левиту через посредство Хачипуридзе 7000 рублей и были приняты в институт. Но после этого они решили поступить иначе, чем другие, захотели дальше учиться в институте. Русского языка они не знали, сдавать курсовые экзамены не могли и передали через посредника К. 7000 рублей преподавателям, которые должны были принимать курсовые экзамены. Не совсем ясно, передал ли К. эти деньги по назначению, часть из них он, во всяком случае, присвоил. Замтарадзе и Верулайшвили затаили против него злобу. Между тем К., будучи жителем Цхалтубо, проживал временно под Москвой в городе Сходня, отдал свой паспорт для временной прописки, а ему надо было сдать вещи в ломбард, и он их сдал по паспорту Замтарадзе. В результате в кармане у К. оказалась ломбардная квитанция на имя Замтарадзе с его паспортными данными. С этой квитанцией в кармане К. поехал в Цхалтубо и там был арестован по совсем другому делу. Суть этого дела такова. В Цхалтубо у К. была квартира. На этот известный курорт приезжают тысячи людей со всех концов страны. К. предоставлял одну из комнат своей квартиры для случайных интимных встреч посторонних друг другу мужчин и женщин. Из соседней комнаты тайно фотографировал их в интимной обстановке, а потом шантажировал этими фотографиями. ”Платите столько-то сотен рублей, иначе фотографии пошлю мужу, жене, родителям, в местком, в партком, в райком и т. д.”. И ему платили. Когда его в конце концов арестовали, у него в кармане нашли ломбардную квитанцию на имя Замтарадзе. К. не мог дать каких-либо пояснений о том, как к нему попала эта квитанция, ибо не хотел раскрывать свое знакомство с Замтарадзе. В квитанции были все данные о Замтарадзе, его вызвали к следователю. Замтарадзе, будучи вызван к следователю по делу К., решил, что выяснился вопрос о даче институтских взяток, и сам рассказал о том, как он вместе с братом поступал в институт и учился там за взятки. В это время министром внутренних дел Грузии был Э. А. Шеварднадзе (ныне член Политбюро ЦК КПСС, ми-

нистр иностранных дел Советского Союза). По его указанию из ВЗПИ истребовали все личные дела на сотни грузин, поступивших за последние годы в этот институт. Всех этих молодых людей собрали в Тбилиси и предложили им написать такие диктанты и письменные работы по математике, какие были в их личных делах. И если в диктанте, хранившемся в личном деле, было 1 — 2 ошибки, то при новом написании этот "студент" делал более 100 ошибок. После этого он был вынужден признать, что диктант в Москве он писал не в аудитории института, а в номере гостиницы, и преподаватель подсказывал ему каждую букву, ибо эти труды преподавателя были оплачены его взяткой. Вскоре была раскрыта вся группа взяточников, их арестовали в Москве и этапировали в Тбилиси. Стало ясно, что за взятки были приняты сотни человек и что больше всего денег получил мой будущий подзащитный Левит. Э.А.Шеварднадзе лично встретился с Левитом, объяснил ему, что из-за большого числа взяток и солидных сумм есть реальная угроза вынесения в отношении него смертного приговора, обнял его, чуть ли не расцеловал, и сказал, что если Левит выдаст полученные в виде взяток деньги, то ему будет сохранена жизнь. Левит согласился. Он рассказал, что деньги закопаны на дачном участке его тети в Лионозово под Москвой. Его повезли в Москву, он показал, в каком месте следует копать, и из-под земли была извлечена стеклянная банка, залитая гудроном. В ней оказалось несколько десятков тысяч рублей. Расследование этого большого дела продолжалось более года. В Московском городском суде рассмотрение дела было поручено члену Мосгорсуда Зинаиде Апаринной. Это опытная, но крайне суровая судья. В местах отбытия наказания она имеет прозвище "Зинка-червонец", ибо меньше 10 лет наказания она обычно не дает никому. Много месяцев продолжался судебный процесс. В ходе процесса выявилось многое. Допрашивают, к примеру, мать молодого грузина, принятого в институт за взятку. Ее спрашивают, почему сыну нужно было поступать за взятку в московский институт, ведь в Грузии много своих институтов. Она тотчас отвечает: "Мы — люди бедные, в Грузии надо больше платить". Ее слова объективно подтверждаются. Когда судили взяточников из Тбилисского

мединститута во главе с ректором, то выяснилось, что за прием одного человека брали взятку в размере 10000 рублей. В Москве стоило дешевле, грузинка была права. Когда ее спросили, откуда она брала деньги на взятку, последовало объяснение: "Мы живем на деньги, получаемые за работу в колхозе. У нас есть еще свой цитрусовый сад. Если плоды из этого сада мы даже никуда не вывозим для продажи, а продаем на месте государству, то получаем за один урожай несколько тысяч рублей. Сад дает мне урожай каждый год, а сын у меня — один. Неужели урожаем одного года я не могу потратить на то, чтобы сын стал студентом?"

В приговоре суда в отношении Левита Апарина написала: "заслуживает смертной казни", но, учитывая ряд обстоятельств, назначила ему 15 лет лишения свободы, из них первые пять лет в тюрьме. К моменту вынесения приговора Левит уже сидел более двух лет в тюрьме, пока длились следствие и суд. Вся надежда была на то, что он попадет из тюрьмы в лагерь, где режим более свободный. У него не было сил больше находиться в тюрьме или, как заключенные говорят, "в крытке", он хотел покончить жизнь самоубийством. Апарина это понимала и именно поэтому назначила отбывать первые пять лет не в лагере, а в тюрьме. Я выступил по этому делу по своей кассационной жалобе в судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации, и Верховный суд изменил приговор, отменил указание на отбытие первых пяти лет в тюрьме. Когда я приехал после этого к Левиту в тюрьму и рассказал ему, что вскоре его отправят в лагерь, то радость его была такова, будто я сообщил ему о том, что он поедет в роскошный правительственный санаторий. Вскоре его, действительно, отправили в далекий лагерь в поселок Тактамыгда за Иркутском, он там хорошо работал, пользовался расположением начальства и благополучно отбыл срок наказания, который в порядке помилования был ему сокращен. А взятки за поступление в институт продолжают брать теперь уже другие ответственные секретари приемных комиссий и преподаватели вузов. Рассказывают, что на здании Тбилисского университета недавно кто-то повесил объявление "На этот год все места проданы".

РАСХИТИТЕЛИ ИЗ МИНИСТЕРСТВА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

В подсоветской России Министерство внешней торговли, как и Министерство иностранных дел, окружено особым ореолом. Туда принимают на работу после особой проверки, оттуда не только изгнаны все евреи, но туда не принимают даже детей от смешанных браков, если хотя бы кто-то в роду имеет еврейское происхождение. Кадры этого министерства формируются главным образом за счет детей из советской элиты, из партийно-государственной бюрократии. И вдруг в этом министерстве раскрывается особо крупное хищение радиоэлектронной аппаратуры, поступающей из Японии, совершаемое работниками министерства оригинальным способом при косвенном содействии представителей японских фирм. Неудивительно, что к делу привлечено внимание на самых верхах советского общества. В одном из томов этого уголовного дела можно было увидеть документ о заседании Президиума Совета Министров СССР под председательством члена Политбюро Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, на котором докладывалось об этом деле и обязали Министерство внешней торговли принять меры к тому, чтобы такой способ хищения не мог повториться.

Опыт показывает, что такие решения ничего не дают, так как изобретаются всегда новые способы хищения. По этому делу было привлечено 11 обвиняемых. Главные обвиняемые, изобретатели оригинального способа хищения — Новиков и Попов. Я защищал Попова. Он родился в Лондоне, где его отец был секретарем советского посольства. Попов получил высшее техническое образование, сначала работал в закрытой номерной организации инженером, а после перехода на работу в Министерство внешней торговли неоднократно выезжал в служебные командировки за границу (ФРГ, Швеция и другие страны). Вскоре после поездки в ФРГ оказался в камере Бутырской тюрьмы, будучи арестован по этому делу.

Что же за способ хищения придумали Новиков и Попов? Они воспользовались тем, что из-за колебаний курса

доллара и японской иены и по другим причинам в тех организациях, преимущественно номерных, которые имели фонды валюты и для которых покупалась у японских фирм дорогая радиоэлектронная аппаратура, никто не знал действительных цен на эту аппаратуру и доверялись в вопросах цен Министерству внешней торговли. Новиков и Попов были в очень хороших отношениях с постоянными московскими представителями соответствующих японских фирм, заинтересованных в продаже своей продукции. Они периодически просили японских представителей завышать в заключаемых контрактах цены, понимая, что, не зная цен, советские номерные организации произведут оплату и по этим повышенным ценам. А на разницу, на эту сумму необоснованного превышения цен, оформляли другие "дополнительные" контракты, ссылаясь на особые обстоятельства, и по этим контрактам аппаратура (транзисторы, магнитофонная лента, видеоманитофоны) должна была поступать непосредственно в адрес Машприборинторга Министерства внешней торговли, где работали обвиняемые. При поступлении аппаратуры по этим дополнительным контрактам Новиков и Попов бесконтрольно получали в бухгалтерии министерства доверенности на ее получение, сами приезжали за ней в аэропорт или на товарную станцию железной дороги и привозили аппаратуру или магнитофонную ленту к себе домой или в свой гараж и оттуда продавали по повышенным ценам преимущественно грузинам, а деньги присваивали. Новиков обвинялся в хищении на 180000 рублей, а Попов на 100000 рублей. Преступление было раскрыто случайно. КГБ вело усиленное наблюдение за посольством Чили в Москве, в районе улицы Веснина, в период чилийских событий, а рядом находился гараж, принадлежащий Попову. Как раз в период этого усиленного наблюдения Новиков, его жена и Попов привезли в гараж Попова магнитофонную ленту, полученную из Японии по такому дополнительному контракту. КГБ поручил уголовное розыску проверить, что делается в этом гараже, и сотрудники уголовного розыска обнаружили этих трех лиц в гараже во время разгрузки японской магнитофонной ленты на сумму 28000 рублей. По советским законам за хищение на сумму свыше 10000 рублей может быть назна-

чено наказание до 15 лет лишения свободы или смертная казнь. Таким образом, исходя из сумм хищения, в котором они обвинялись, Новиков превысил этот предел в 18 раз, а Попов в 10 раз. Им грозило суровое наказание. У Новикова при обыске дома было обнаружено 60000 рублей и много ценного имущества, в том числе уникальное белое пианино. У Попова обнаружили меньшее имущество. С просьбой его защищать обратилась ко мне его жена, дочь полковника, декан московского музыкального института, тоже из элиты, многократно выезжавшая за границу и соединившая свою судьбу с Поповым еще на школьной скамье. У них было двое маленьких дочерей.

На судебном процессе выяснилось, что значительную часть вырученных денег Новиков и Попов тратили на выпивки. Иногда они делали ценные подарки представителям японских фирм, получали и от них подарки. Часто после удачной операции Новиков и Попов уезжали в Сочи или другие южные города, где пьянствовали и проводили время со своими меняющимися любовницами. Среди обвиняемых по делу была одна женщина — работник Министерства внешней торговли, занимавшая должность секретаря, но с красивым названием "инокорреспондент". Ее привлек к соучастию в хищении Новиков, ибо она владела иностранными языками, хорошо знала технику оформления контрактов и помогала фабриковать необходимые приложения к "дополнительным" контрактам. За это она получала свою долю из похищенного. Между тем она абсолютно не нуждалась в этом "приработке". У нее было много драгоценностей от родителей, ее муж десятки лет работал в организации "Экспортлес", многие годы он и она провели на работе за границей и крепко обогатились на этом. Куда же девать этот "приработок", получаемый от Новикова? Дома он не нужен. Тогда эта женщина-инокорреспондент находит себе любовника, тоже из Министерства внешней торговли и содержит его на этот приработок. Во время судебного процесса ее муж обычно сидел в зале, но когда в судебный зал вызвали для допроса любовника, муж стремительно выскочил из зала. Представителей японских фирм допросили на предварительном следствии — в суд их не вызывали (фирмы поторопились отозвать их в Японию).

По окончании многомесячного тщательного исследования этого дела, в котором было бесконечное число эпизодов и деталей, суд приговорил Новикова и Попова к 15 годам лишения свободы и к различным срокам остальных обвиняемых. После приговора в беседе в тюрьме Попов мне заявил, что он все же немного меньше виноват, чем Новиков, и что ему надо было бы дать хоть на год меньше. Я подал кассационную жалобу в Верховный суд, доказывал там в жалобе и в речи, что объем хищения у Попова почти в два раза меньше, чем у Новикова, объем личного присвоения в четыре раза меньше, количество эпизодов тоже меньше, что наказание должно быть индивидуализировано, и Попову снизили срок наказания с 15 до 12 лет. Снижение срока наказания на три года в любом случае большое облегчение для осужденного. Но в данном случае это снижение имеет особый характер. Оно доказывает, какое значение для обвиняемого имеет то, как его обвинение выглядит на фоне обвинения его соучастника, в данном случае главного обвиняемого. Ведь в подсоветской России в сотнях исправительно-трудовых лагерей отбывают тысячи заключенных наказание в виде 15 лет лишения свободы за хищение 10 — 12 тысяч рублей, а Попов за хищение на 100000 рублей будет отбывать только 12 лет. Попову повезло, что рядом был Новиков, и на его фоне он выглядел немного лучше. После этого судебного процесса в Министерстве внешней торговли был снят со своих должностей и переведен с понижением ряд работников, которые проглядели хитрые уловки Новикова и Попова. Но в принципе ничего не изменилось и не может измениться, ибо коррупция и хищения органически присущи громадному советскому бюрократическому аппарату, и об этом свидетельствуют последующие судебные процессы.

ПИВО И ВОДА

Везде, где продают разливное пиво, всегда могут иметь приличный доход на пивной пене. Еще больше дохода мо-

гут иметь те, кто разбавляет пиво водой. В подсоветской России уголовных дел о разбавлении пива водой бесчисленное множество, но я хочу рассказать об особом деле, когда это разбавление было механизировано, проводилось на протяжении многих лет в центре Москвы под покровительством высокого начальства, приносило большие доходы, а следствие и судебный процесс по этому делу могут служить образцом вопиющего беззакония из-за прямого вмешательства в правосудие члена Политбюро ЦК КПСС Первого секретаря МГК КПСС В.В.Гришина.

В Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, недалеко от входа, расположен большой пивной бар "Пльзенский", торгующий чешским пивом. По уголовному делу в качестве обвиняемых проходило семь работников этого бара: пять буфетчиц, механик и старшая буфетчица Никитина, которую защищал на следствии и в суде автор этих строк. В баре было четыре буфетные стойки, у каждой стойки два крана для разлива пива, подключенные к двум пивным бочкам, расположенным в подсобном подвальном помещении. Пиво отличного качества доставлялось из Чехословакии в металлических бочках вместимостью по 100 литров. В начале рабочего дня каждая буфетчица начинала работать на одном кране, наливала 25 кружек полноценного пива, после чего давала сигнал механику в подсобное подвальное помещение. Он открывал кран, соединяющий пивную бочку с водопроводом, и вместо отпущенных 25 кружек пива в бочку доливалась водопроводная вода. Пока шел этот долив воды, буфетчица отпускала полноценное пиво из второго крана, подключенного ко второй бочке. После отпуска 25 кружек из второй бочки она давала сигнал механику, и он доливал воду во вторую бочку. Тогда буфетчица начинала вновь работать на первой бочке, где пиво уже было разбавлено водой. Оплата пива покупателями производилась через кассу по чекам. В конце дня, поскольку частично отпускалось покупателям не пиво, а вода, у буфетчиков набирались "лишние" чеки. Старшая буфетчица Никитина от механика каждый день знала, сколько продано пива, сколько долито воды и, чтобы превратить доходы от обмана покупателей в деньги, именно на эту сумму обмана продавала за наличные

деньги из подвального помещения бутылочное чешское пиво и хрустящий картофель, которые всегда шли нарасхват. Наличные деньги, вырученные Никитиной, а это были десятки тысяч рублей, она частично раздавала буфетчицам в обмен на "лишние" чеки, частично присваивала, частично тратила на взятки руководству комбината общественного питания Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, которому подчинялся пивной бар, и руководящим работникам Министерства внутренних дел. Эти руководители заранее предупреждали Никитину о бухгалтерских ревизиях и проверках ОБХСС. Поэтому она ничего не боялась, и много лет она и ее соучастники обогащались за счет обмана покупателей. Ее покровители и получаемые ими взятки так и не были выявлены. Чешское пиво, даже разбавленное водой из московского водопровода, нравилось покупателям.

Как же было раскрыто это дело? Однажды днем в пивной бар "Пльзенский" пришла попить пиво группа московских журналистов. Один из них был незадолго до этого в Чехословакии, хорошо помнил вкус настоящего чешского пива, и ему показалось, что пиво разбавлено водой. Он написал жалобу в Госторгинспекцию. Через некоторое время пришли в бар представители Госторгинспекции, взяли образцы пива, в том числе разбавленное водой. Они обратили внимание на то, что работники бара весьма спокойно отнеслись к этой проверке. Обычно работники торговли, особенно женщины, умоляют инспекторов Госторгинспекции не фиксировать обман покупателя, просят пожалеть их детей, предлагают взятки. Здесь ничего этого не было. Но когда работники Госторгинспекции с образцами пива в бутылках вышли из бара и шли по территории парка к выходу, к ним подбежал рыжий детина, попросил прикурить и нанес удар ногой по бутылкам с образцами. Бутылки не разбились. Но инспектора Госторгинспекции вскоре были окружены уже группой молодых людей, пытавшихся разбить бутылки с образцами. В это время по территории парка проезжала военная автомашина. Инспектора обратились за помощью к офицеру и сели в эту машину. Это не остановило преследователей. Они задержали военную автомашину, избili инспекторов и разбили бутылки с образцами

пива. Найти нападавших так и не удалось. Госторгинспекция сообщила обо всем в ОБХСС. Через неделю большая группа работников ОБХСС совершила внезапный налет на бар. А там по-прежнему продолжалось превращение водопроводной воды в большие деньги. Работники ОБХСС обнаружили подключение водопровода к бочкам с пивом и арестовали Никитину и ее сообщников. Началось длительное следствие, ибо нужно было провести технологическую, товароведческую и бухгалтерскую экспертизы для определения объема обмана покупателей. Дело приняло громкую скандальную огласку, и последовало личное указание члена Политбюро Первого секретаря МГК КПСС В.В.Гришина строго наказать виновных. Между тем при моем участии в окончании следствия по этому делу в качестве защитника Никитиной я пришел к выводу о том, что она и некоторые другие буфетчики подлежат освобождению из-под стражи. Дело в том, что у нее было трое несовершеннолетних детей, а незадолго до этого был издан Указ об амнистии, по которому женщины, имеющие несовершеннолетних детей, обвиняемые по ряду статей Уголовного кодекса, подлежали освобождению. Среди этих статей Уголовного кодекса была статья, предусматривающая уголовную ответственность за обман покупателей. По закону Никитину и других буфетчиц, имеющих детей, надо было освобождать. Но ведь существовало указание члена Политбюро ЦК КПСС Первого секретаря МГК КПСС Гришина строго наказать виновных, и следственно-прокурорские органы вопреки материалам дела необоснованно предъявили всем привлеченным к ответственности по этому делу тяжелейшее обвинение "в хищении социалистической собственности в особо крупных размерах". В этом случае они не попадали под амнистию, а должны были предстать перед судом и могли быть осуждены к длительным срокам лишения свободы и даже к смертной казни. По окончании следствия я заявил ходатайство о том, что в действиях Никитиной нет признаков хищения, она виновна лишь в обмане покупателей и подлежит освобождению из-под стражи по амнистии. Мое ходатайство было отвергнуто. Начался многомесячный судебный процесс в судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда. По делу председательство-

вал очень опытный судья, большой специалист по хозяйственным делам, крупный юрист. Я и другие адвокаты подробно доказывали, что нет хищения, что есть только обман покупателей и что обвиняемых — женщин, имеющих детей, следует освободить. Судья это и сам понимал, но указание члена Политбюро ЦК КПСС Первого секретаря МГК КПСС Гришина и руководства Мосгорсуда давило над ним. Никитина была осуждена к 15 годам лишения свободы. Я обратился с кассационной жалобой в Верховный суд РСФСР. Произнес там при кассационном рассмотрении большую речь и доказывал, что если от работников торговли требуют, как и от всех граждан, соблюдения закона, то закон должен строго соблюдаться и при рассмотрении любого уголовного дела. И произошло чудо. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР полностью со мной согласилась, вынесла определение, в котором воспроизвела аргументы моей жалобы, что нет хищения, а за обман покупателей Никитина как мать троих несовершеннолетних детей освобождалась из-под стражи в силу Указа об амнистии. При оглашении этого определения обвиняемые как обычно не присутствовали. Кассационное рассмотрение проводится без их вызова. Лишь присутствовавшие родственники обвиняемых были потрясены этим неожиданным торжеством закона. Дочери Никитиной бросились меня целовать. Спустя несколько дней Никитину, которая должна была отбывать пятнадцатилетнее лишение свободы, освободили из-под стражи. Можно понять ее радость, когда она после многомесячного содержания в тюрьме пришла домой к своим детям. Но для меня было ясно, что это лишь временная победа, что указание члена Политбюро ЦК КПСС Гришина еще может сыграть свою роковую роль. Поэтому Никитина после освобождения покинула Москву, и где она стала проживать, властям не было известно. Руководство Московского городского суда, действовавшее по указанию члена Политбюро ЦК КПСС Первого секретаря МГК КПСС В.В.Гришина, обратилось к Председателю Верховного суда РСФСР Орлову, он внес протест на справедливое определение судебной коллегии по уголовным делам своего же суда в Президиум Верховного суда РСФСР, и соответствующее закону определение отменили, провели новое

кассационное рассмотрение и оставили в силе старый противоречащий закону и справедливости приговор, по которому Никитиной надо отбывать 15 лет лишения свободы. Никитину нужно было вновь арестовать, но много месяцев ее не могли найти, а потом она пришла навестить детей, за ней следили, и ее арестовали. Я обратился с жалобой в порядке судебного надзора в Верховный суд СССР, пошел на прием к Заместителю Председателя Верховного суда СССР и был полон энергии бороться и дальше за торжество закона и справедливости по этому делу, которое было решено неправильно только из-за вмешательства высокого партийного начальства. Но не смог продолжить эту борьбу, ибо сам по указанию соответствующих органов был отчислен из адвокатуры за то, что на протяжении последних восьми лет после отъезда сына в Израиль систематически оказывал юридическую помощь многим сотням советских граждан, желавших выехать из СССР в Израиль и другие страны.

ДОМА ТЕРПИМОСТИ В МОСКВЕ

Советская пропаганда обычно громко трубит о том, что такие явления как проституция, дома терпимости, притоны разврата — это удел Запада. Советская цензура запрещает что-либо сообщать о таких явлениях в СССР, и у многих создается ложное впечатление о том, что советский строй не знает проституции, домов терпимости, притонов разврата. В действительности дело обстоит совсем не так. Реальную картину можно увидеть по материалам судебных процессов, прошедших в Москве. Одним из самых крупных было дело Мушинской, которая организовала свою фирму на широкую ногу. У нее работало более 200 девиц. Для некоторых из них проституция была основным и единственным занятием, другие совмещали свою работу в качестве проституток в фирме Мушинской с работой на разных должностях в государственных учреждениях. Мушинская за соответствующее вознаграждение привлекла к сотрудничеству хозяев трех московских квартир, но в этих

трех квартирах она не могла обеспечить рабочими местами всех привлеченных ею девиц, и при допросе одной из них в заседании судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда было установлено, что девица обслуживала по указанию Мушинской клиентов фирмы в двадцати московских гостиницах. Фамилии мужчин — постоянных клиентов фирмы Мушинская записывала в две толстые тетради. Одна тетрадь пропала, а вторая попала в руки следственных органов и фигурировала в суде. Среди постоянных клиентов были Народный артист РСФСР укротитель хищников Борис Эдер, священник подмосковной церкви, много преподавателей строительного института, джазистов, врач арбатской платной поликлиники и многие другие. Поскольку дело расследовалось в бытность у власти Хрущева и именно в тот период, когда в моде были меры воспитания, то следственные органы еще в период следствия послали по месту работы каждого постоянного клиента письма следующего содержания: "Ваш работник такой-то систематически посещал притон разврата. Просим принять меры общественного воздействия". Почти всех этих лиц уволили с работы, никто из них не оспаривал увольнение, хотя по закону они могли возражать. Более того, когда этих постоянных клиентов допрашивали в судебном заседании Московского городского суда в качестве свидетелей и спрашивали их, после допроса по существу дела, правильно ли их уволили с работы, каждый отвечал: "Да, правильно". Они были так опозорены, что не хотели обсуждать вопрос о правильности или неправильности увольнения. По существу же дела у них суд прежде всего выяснял, сколько они платили. Суд интересовался калькуляцией, сколько из той суммы, которую платил клиент, получала сама проститутка, сколько хозяйка или хозяин квартиры и сколько Мушинская. Было установлено, что сумма делилась на три равные доли. Мушинская была замужем, ее муж — скромный инженер, ничего не знал о делах жены. Она занималась делами фирмы днем, когда муж был на работе. Прошло следствие по этому делу, начался суд, а муж Мушинской все не верил в то, что его жена в чем-то виновата. Он часами просиживал у нас в юридической консультации, дожидаясь возможности поговорить с ныне по-

койным адвокатом Фейгиным, который защищал Мушинскую. А в Московском городском суде Мушинская давала подробные показания о работе своей фирмы, о том, как она привлекла хозяев квартир, как она обучала девиц различным половым извращениям. Один из постоянных клиентов (врач арбатской платной поликлиники) был мазохист, и Мушинской пришлось потратить много труда, чтобы объяснить своим девицам, что от них требуется, и что человек получает удовлетворение от избиения. В суде можно было услышать такое "уточнение" со стороны Мушинской. Председательствующий спрашивает Мушинскую: "Вы подтверждаете показания свидетельницы Ивановой, что вы обучали ее извращенным формам на морковке?" Мушинская отвечает: "Показания Ивановой подтверждаю частично. Я ее обучала, но не на морковке, а на Абраме Ильиче".

По советским законам проституция не влечет за собой уголовную ответственность. Все проститутки и постоянные клиенты фигурировали по делу как свидетели. На скамье подсудимых были только Мушинская и хозяева квартир, ибо закон предусматривает уголовную ответственность лишь за содержание притонов разврата и сводничество с корыстной целью. Мушинская на суде объяснила, что первоначально она была вовлечена в эту деятельность органами государственной безопасности, которые широко используют проституток в своих целях для наблюдения за иностранными дипломатами, иностранными туристами и некоторыми советскими гражданами. Под Москвой имеются специальные заведения, где КГБ готовит таких девиц. Их называют "ласточками". Мушинская ходатайствовала перед судом о вызове в суд работников КГБ и истребовании документов, которые бы подтвердили ее показания о том, как она была вовлечена в эту "творческую" деятельность. Эти ходатайства были отвергнуты судом. Мушинская и хозяева квартир были осуждены на разные сроки лишения свободы. А проституция и дома терпимости в Москве продолжали развиваться. Особо широко развито в Москве сотрудничество между проститутками и многими таксистами. Некоторые таксисты работают на пару с постоянной проституткой, которая обслуживает клиента в такси, или таксист привозит клиента на квартиру к своей проститутке. Сведения о мос-

ковских проститутках, работающих в такси, впервые проникли на Запад во время московского молодежного фестиваля, и в западных газетах появились статьи под заголовками: "Московские дома терпимости на колесах". Сравнительно недавно в Москве был обнаружен небольшой дом терпимости у Покровских ворот. Его содержали мать и дочь, которые сами обслуживали клиентов и лишь иногда привлекали других женщин. Клиентов им чаще всего привозили таксисты. Иногда таксисты сами вовлекали в проституцию девушек и девочек. По делу о доме терпимости у Покровских ворот было установлено, что один таксист ночью обнаружил на улице 13-летнюю девочку, убежавшую из дому. Он сначала сошелся с ней сам, а потом вовлек ее в проституцию, и в доме терпимости у Покровских ворот вскоре эта девочка показывала рекорды по числу мужчин, которых она обслуживала за сутки. Однажды в дом терпимости у Покровских ворот днем прибыло несколько приехавших в командировку в Москву монголов, а на месте была лишь хозяйка дома. Она не могла допустить, чтобы фирма оказалась несостоятельной. Ей пришлось сходить в находившееся недалеко кафе "Чайка". Там она обратилась к двум женщинам, работающим на кухне, с предложением выручить ее заведение. Они согласились, ибо как раз в это время у них был обеденный перерыв на работе, и они смогли отлучиться с работы, чтобы получить дополнительный заработок. Монголы расплачивались не деньгами, а шерстяными свитерами. Такова жизнь, таковы факты, выявленные на этих судебных процессах. Но все эти процессы не освещаются в советской печати из-за запретов цензуры, а советская пропаганда продолжает утверждать, что проституция существует только на Западе.

РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ НА ГОМОСЕКСУАЛИСТОВ

Советская цензура запрещает писать не только о наличии в подсоветской России проституции, употреблении наркотиков, но и о широко распространенном, особенно среди

музыкантов, артистов балета, в армии, в тюрьмах и лагерях гомосексуализме. Судебные процессы, где эти факты широко выявляются, замалчиваются. Так, печать ничего не сообщила о большом судебном процессе в судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда, где на скамье подсудимых сидела большая группа несовершеннолетних подростков. Они обвинялись в разбойных нападениях на гомосексуалистов. Главному обвиняемому Диме Сорокину, которого защищал автор этих строк, было 16 лет. Подростки хорошо знали, в каких местах в Москве собираются гомосексуалисты: в мужских туалетах на Петровке, напротив магазина "Детский мир", и главным образом в сквере у Большого театра, который в этой среде называется "плешка". Подростки выделяли из своей среды мальчишку, который должен был служить приманкой для гомосексуалистов или для "гомиков", как они их называли. Выбирали мальчишку с такими внешними данными, которые могли привлечь кого-либо из "гомиков". Этот мальчишка завлекал "гомика" в пустую квартиру подлежащего сносу дома, а за ними на небольшом расстоянии следовали остальные подростки. Когда "гомик" с "приманкой" оказывался в этой пустой квартире, туда врываются остальные подростки, наносят ему удар каким-нибудь металлическим предметом по голове, чтобы оглушить, потом связывали и грабили. Весь расчет заключался в том, что "гомики" не будут заявлять, ибо сами скомпрометированы. И, действительно, большинство так называемых "потерпевших" поэтому не заявляли об ограблении, их разыскали сами органы следствия, исходя из показаний обвиняемых-подростков, и тогда "гомики" рассказали об обстоятельствах ограбления. Так, музыкант — солист военного ансамбля, возвратившись из гастрольной поездки в Японию, на "плешке" увязался за мальчишкой, который оказался приманкой. По дороге на квартиру приобрел для совместного с ним времяпрепровождения вино, шампанское, закуску, но как только зашел в пустую квартиру сносимого дома, туда ворвалась вся группа подростков, нанесли ему удар металлической трубой по голове, связали, отобрали у него деньги, часы марки "Сейко" и другое имущество. Таких эпизодов и таких потерпевших было много. Однажды

эти подростки попытались так ограбить молодого человека, студента пятого курса экономического факультета Московского государственного университета. Но им этого не удалось. Больше того, он сблизился с этими подростками, начал проводить с ними беседы на сексуальные темы, возглавил эту группу, и дальнейшие нападения проводились под его руководством. Сам он рассказал, что стал "гомиком" после того, как подвергся насилию в этом плане в туалете музея Владимира Ильича Ленина. Когда шел судебный процесс, о котором рассказывается, студент симулировал психическое заболевание, его дело выделили в отдельное производство, и его судили позже отдельно уже после осуждения Димы Сорокина и его соучастников.

Роковым днем для всех обвиняемых оказался день 28 апреля. В этот день они во главе со студентом шли гурьбой по Ленинским горам, где чувствовали себя хозяевами положения. Дима Сорокин учился в ювелирном училище, у него был при себе заточенный скальпель, и под угрозой нанесения ранения этим скальпелем они отобрали у юноши часы. Подошли к отдыхающим, которые развели среди деревьев костер. Выдали себя за "зеленый патруль" и оштрафовали за костер в свою пользу. Увидали, что под деревом сидят молодой человек и девушка. Они оказались одноклассниками, учащимися десятого класса средней школы. Девушка была дочерью известного деятеля советского кино, лауреата Ленинской премии. Молодого человека отделили от девушки, избили и заставили доставлять сексуальные удовольствия студенту. Девушку подростки начали по очереди насиловать, но у них ничего не получилось. Она проявила самообладание и предложила подросткам, поскольку ничего не получается, пойти к ней домой, где якобы родителей нет дома. Подростки согласились. С ней рядом пошел один из подростков на правах "кавалера", а все остальные шли гурьбой сзади. Подошли к ее дому. Она с "кавалером" поднялась на лифте и вошла в квартиру. Остальные остались ждать на улице. Родители были дома, и у них были гости. Девушка сначала не рассказала родителям об изнасиловании, а сказала лишь матери, что этот подросток хулиганил и приставал к ней. В этот момент раздался звонок в квартиру, и вся группа захотела войти, пола-

гая, что наступила их очередь. Тогда отец девушки выгнал из квартиры всех, включая "кавалера". После ухода гостей девушка рассказала родителям об изнасиловании. Началось расследование, была проведена экспертиза, надо было найти тех, кого отец потерпевшей выгнал. Осталась лишь одна ниточка для розыска. По дороге с Ленинских гор на квартиру девушка дала "кавалеру" свой телефон, и следственные органы стали ждать, не позвонит ли он. Он позвонил через несколько дней. В результате было раскрыто это преступление, а затем и разбойные нападения на гомосексуалистов. При расследовании этого дела и в суде выяснилось, как и почему эта группа подростков стала заниматься разбойными нападениями на "гомиков". Оказывается, все эти подростки жили в районе Ленинских гор, занимались в различных кружках во Дворце пионеров на Ленинских горах. Поскольку там было много подростков, то вокруг крутилось и много "гомиков", искавших для себя пару. Милиция решила создать из подростков оперативный отряд для борьбы с "гомиками". Одним из руководителей этого созданного милицией оперативного отряда был Дима Сорокин. Подростки увлеклись этой борьбой, не считали "гомиков" за людей, думали, что в борьбе с ними все средства хороши, что их надо наказывать любым способом, и начали совершать разбойные нападения на них. Дима Сорокин, его соучастники, а потом и студент были осуждены к различным срокам лишения свободы. Их борьба с гомосексуалистами окончилась плачевно. В подсоветской России гомосексуализм — весьма распространенное явление. За него были осуждены в свое время многие известные деятели искусства. Все время выявляются новые акты гомосексуализма.

Во многих странах нет уголовной ответственности за гомосексуализм, если он не связан с насилием. В подсоветской России группа психиатров выступила с предложением отменить уголовную ответственность за гомосексуализм в том виде, как она существует в настоящее время, когда по первой части статьи 121 Уголовного кодекса РСФСР и аналогичным статьям Уголовных кодексов других союзных республик лишением свободы на срок до пяти лет наказывается половое сношение мужчины с женщиной (му-

железство), совершенное без применения физического насилия или угроз. Но это предложение пока не принято, и подсоветская Россия остается почти единственной страной мира, где в уголовном порядке наказывается гомосексуализм, не сопряженный с насилием.

БРАТ УБИЛ БРАТА

Ко мне в юридическую консультацию под руки привели пожилую женщину. Она была переполнена горем и сначала не могла сказать мне и слова. Потом она поведала страшную историю. Ее звали Анна Васильевна. У нее было трое взрослых сыновей. Один из них убил другого. Сейчас он в тюрьме. Она просит меня защищать его, просит принять участие в окончании следствия и осуществить защиту в суде. Из ее подробного рассказа и из последующего моего ознакомления с материалами этого уголовного дела я узнал о всех подробностях этой трагедии. Николай, который обвинялся в убийстве брата, был спокойный уравновешенный флегматичный человек с мягким характером. Убитый брат Иван был дерзкий хулиганистый парень, отбывал наказание за хулиганство, имел первый разряд как спортсмен-борец. В свое время, когда Иван отбывал наказание за хулиганство, Николай навещал его по месту отбытия им наказания, передавал передачи, материально помогал его семье. Николай был трудолюбивым человеком и много лет работал на одном предприятии. Незадолго до убийства он ушел с этого предприятия и собирался поступить на другое. В день убийства оба брата находились в однокомнатной кооперативной квартире матери. Матери дома не было, она работала в магазине продавцом. Братья выпили, и Иван стал необоснованно упрекать Николая в том, что он не работает, живет на средства матери. Между братьями возникла ссора и драка. Николаю особо обидными были материальные упреки со стороны Ивана, ибо он в свое время помогал ему и его семье. Драка происходила на тесной кухне. Николай рассказал, что Иван, будучи спортсме-

ном-борцом, схватил его и, используя спортивные приемы, пытался стукнуть головой о покрытые кафелем стены кухни. Такой удар мог быть смертельным. Николай был левша. Защищаясь, он схватил левой рукой лежавший на тумбочке в кухне большой кухонный нож и нанес им ножевое ранение брату в область печени. В результате возникло обильное кровотечение, и ранение оказалось смертельным. Была вызвана скорая помощь. Николай помогал отправить Ивана в больницу. Вскоре в больнице Иван умер, а Николай арестован. На следствии и в суде мне удалось доказать, что у Николая не было умысла убить брата. Его действия были квалифицированы по части 2-й статьи 108 Уголовного кодекса РСФСР, как умышленное телесное повреждение, опасное для жизни и повлекшее смерть потерпевшего. Эта статья предусматривает наказание от 5 до 12 лет лишения свободы. Николай был осужден к 8 годам лишения свободы. Я пытался еще более смягчить участь Николая, доказать, что он нанес тяжкое телесное повреждение при превышении пределов необходимой обороны. В этом случае он подлежал бы ответственности лишь по статье 111 Уголовного кодекса РСФСР, где наказание — до одного года лишения свободы. Но этого доказать не удалось, ибо все доказательства в этом плане строились лишь на личных показаниях Николая, а он был лицом, заинтересованным в исходе дела, и доверять только его показаниям суд не мог. Отягчающим обстоятельством было то, что Николай совершил преступление в состоянии опьянения. Это было доказано. В кухне были найдены следы выпивки двух братьев. А в пункте 10 статьи 39 Уголовного кодекса РСФСР указывается, что совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, является одним из обстоятельств, отягчающим ответственность. Для отбытия наказания Николай был направлен в исправительно-трудовую колонию в Кирово-Чепец. Исключительно добросовестно работал там жестянщиком. Мать к нему неоднократно ездила на свидания. По подготовленному мною ходатайству он был сравнительно быстро условно-досрочно освобожден из исправительно-трудовой колонии с переводом на стройку, а потом и вовсе освобожден и возвратился в Москву. Он стал работать на прежнем предприятии, проявлял трогательную за-

боту о матери и о семье брата, погибшего от его руки. Больше всего по этому делу мне запомнилась Анна Васильевна, мать и обвиняемого и погибшего. По всему ее поведению было видно, что эта женщина по-матерински простила своего сына, лишившего ее другого сына жизни.

ДЕЛА ОБ ИЗНАСИЛОВАНИЯХ

За десятки лет работы в адвокатуре я защищал обвиняемых по сотням дел об изнасилованиях. У меня не было месяца, чтобы в моем производстве не было одного-двух таких дел. Это косвенно подтверждает тот факт, что эти дела чрезвычайно распространены. Уже давно введены чрезвычайно строгие наказания по этому виду преступлений. С 1962 года изнасилование, то есть половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшей, — наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет. Изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения либо совершенное лицом, ранее совершившим изнасилование, — наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет.

Изнасилование, совершенное группой лиц или особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование несовершеннолетней — наказывается лишением свободы на срок от 8 до 15 лет со ссылкой на срок от 2 до 5 лет или без ссылки либо смертной казнью.

Но эти суровые меры наказания не привели к сокращению числа изнасилований. Дела об изнасилованиях чрезвычайно сложные. Бывают дела, чаще всего дела об изнасилованиях, совершаемых группой лиц, преимущественно подростками, когда насильственный характер действий очевиден. Имеется угроза ножом, избивание или угроза избивания. Но по многим делам возникают серьезные сомнения в том, было ли в действительности насилие, не было ли добровольного согласия, не было ли последующее заявление

об изнасиловании вызвано другими мотивами. Такие сомнения обычно возникают, когда речь идет не о группе, а о встрече один на один, когда не было угроз, не было ножа и т. д. Часто женщина или девушка всем своим поведением создает у мужчины впечатление о своей доступности: уезжает с ним на удаленную дачу, где никого нет, отправляется с ним далеко в лес, злоупотребляет наедине с ним спиртными напитками. В Московском городском суде слушалось дело молодого человека, который обвинялся по многим эпизодам в изнасиловании большого числа молодых женщин и девушек. Чаще всего реального насилия не было. При допросе потерпевших защита пыталась установить истину. Как только потерпевшая под влиянием вопросов защиты склонялась говорить правду, то есть что ее собственное поведение было всему причиной, что насилия по существу не было, сразу же председательствующая по делу — член Московского городского суда начинала задавать вопросы, направленные на то, чтобы вернуть потерпевшую к показаниям, данным на предварительном следствии. Вопросы такого рода: "А вы комсомолка, а вы замужем, а о вашем поведении знают родители, муж, комсомольская организация?" Такими вопросами обычно удавалось потерпевшую вернуть к первоначально данным на предварительном следствии показаниям, подтверждающим обвинение. В своем последнем слове по этому делу подсудимый сказал: "Я знаю, граждане судьи, что вы осудите меня к длительному сроку лишения свободы. Но я еще молодой человек и, когда выйду на свободу, собираюсь жениться, создать семью. Если у меня родится сын, то я не хотел бы, чтобы он вел себя так, как вел себя я. Но если у меня родится дочь, то я не хотел бы, чтобы она вела себя так, как вели себя потерпевшие по настоящему делу". Эти слова были ударом не в бровь, а в глаз. Они были адресованы не только потерпевшим, но и суду, черпавшему доказательства из явно ненадежного источника.

Иногда отношение потерпевшей к совершенному над ней "насилию" выявляется еще более наглядно.

Молодой мужчина был осужден за изнасилование на 10 лет лишения свободы и отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии на Северном Кавказе. Его признал

суд виновным в изнасиловании, совершенном якобы на передних сиденьях автомашины "Запорожец". Он отрицал свою вину и говорил, что все было добровольно. Адвокат приехал к нему в исправительно-трудовую колонию для беседы с тем, чтобы обжаловать приговор в порядке судебного надзора. Выяснилось, что потерпевшая тоже приезжает к нему в лагерь на личные свидания, и их интимная связь на этих личных свиданиях продолжается, хотя он отбывает лишение свободы за ее "изнасилование". Ее приезды были нелегальными, и администрация исправительно-трудовой колонии отказывалась выдать адвокату справку о ее приезде.

Отвратительное впечатление производят дела о групповых изнасилованиях. Некоторые из них носят зверский характер. Помнится дело, когда двое молодых людей путем одновременного приема снотворных таблеток нембутала и распития несколько бутылок водки привели себя в состояние бешенства и целую ночь в сквере и парадных на Красной Пресне в Москве насильовали медицинскую сестру в извращенных формах. Материалы этого дела были не менее страшными, чем описания пыток, которые совершали эсэсовцы во время Второй мировой войны.

Известны групповые изнасилования, которые совершали 10—12—14 человек, случаи, когда завлекать потерпевшую помогали женщины, девушки. Помнится дело, когда при групповом изнасиловании потерпевшая в момент изнасилования нашла в себе силы вытащить из пиджачного кармана насильника его паспорт и тем самым решающим образом облегчить следствию отыскание преступников. Иногда и потерпевшими и обвиняемыми являются несовершеннолетние, и в действительности имеет место не изнасилование, а лишь развратные действия. В этом случае закон предусматривает гораздо более мягкое наказание, и защита старается доказать, что имели место лишь развратные действия, а не изнасилование. Помнится мне такое дело, где моим основным противником была бабушка потерпевшей. В ходе судебного следствия и в защитительной речи мне приходилось полемизировать с утверждением бабушки, которой хотелось доказать, что ее малолетняя внучка была именно изнасилована, хотя были совершены лишь разврат-

ные действия. Верховный суд согласился с моей позицией по этому делу. Бабушка не думала о том, что экспертиза признала девственную плеву не нарушенной и что зачем усугублять сложное положение, в котором оказалась внучка и множить те разговоры, которые и так возникают вокруг каждого такого дела. Она руководствовалась лишь одним: пусть внучка лучше считается изнасилованной, но обвиняемый тогда будет строже наказан.

Мне довелось защищать одного молодого человека, который обвинялся в том, что он насиловал старых и пожилых женщин в лифтах. Мой подзащитный выслеживал их, садился с ними в лифт и в кабине лифта совершал изнасилование. Некоторые из потерпевших сначала не могли даже понять, что он от них хочет, они отдавали ему кольца и другие украшения, не понимая, на что направлен его интерес. Ряд эпизодов прошел для него безнаказанно. А когда по одному из эпизодов он был задержан, то выявились и предшествующие эпизоды. Судебно-психиатрической экспертизой он был признан вменяемым, не было обнаружено признаков какого-либо психического заболевания. Его стремление к изнасилованию старух судебно-психиатрическая экспертиза расценила как половое извращение. Судебной практике известны и более страшные виды извращений такого рода. Например, некрофилия, когда обвиняемый убивает женщину, вступая с ней в этот момент в половую связь, и получает удовлетворение от интимной связи с умирающей. С этой целью совершается иногда много убийств. Так, в Подмосковье молодой человек выслеживал в укромных местах женщин, убивал их, нанося удар по голове металлической палкой, и в этот момент вступал с ними в половую связь. Он был признан вменяемым и осужден к смертной казни. По этому делу было выявлено 7 убийств.

Подводя итог короткому рассказу о делах об изнасилованиях, следует, исходя из моего адвокатского опыта и опыта моих коллег, указать, что в советских местах заключения заслуженно отбывают наказание тысячи лиц, действительно виновных в изнасилованиях и справедливо наказанных. Но очень много находится под стражей и отбывает наказание якобы за изнасилование таких лиц, которые в изнасиловании не виновны. Из многих дел видно, что

все было по взаимному согласию, а заявление с обвинением в изнасиловании подается тогда, когда о половом сношении становится известно родителям, соседям, мужу. Для того, чтобы оправдать себя в глазах родителей, мужа и окружающих, молодая или даже средних лет женщина ложно обвиняет в изнасиловании мужчину, и часто это обвинение опровергнуть чрезвычайно трудно.

Число дел об изнасилованиях растет, и это убедительно доказывает, что усиление наказаний за изнасилование результата не дает. У этого вида преступлений специфические причины, и нужны особые пути борьбы, а ужесточение уголовной репрессии бесполезно.

ПОПЫТКА СЖЕЧЬ СЕБЯ У АМЕРИКАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В МОСКВЕ

Посольство США в Москве уже десятки лет расположено на улице Чайковского, в Краснопресненском районе столицы. Я проработал 21 год в юридической консультации этого района, и всегда в нашем районе возникало много дел, связанных с происшествиями около американского посольства. Однажды меня пригласил заведующий юридической консультацией и попросил защищать литовца, пытавшегося сжечь себя у американского посольства во время визита в Москву президента США Р.Никсона. После ознакомления с делом в суде и беседы с подзащитным в Бутырской тюрьме мне стали ясны обстоятельства этого примечательного дела. Обвиняемый, молодой литовец, работал в литовском колхозе каменщиком. Он заработал деньги, чтобы поехать отдыхать. В своей семье объявил, что направляется отдыхать на юг. Сам же направился в Минск, где надеялся встретиться с Никсоном, находившимся там с визитом, а потом направился в Москву. В Москве около Курского вокзала он купил бутылку лимонада, выпил его, а в бутылку налил приобретенный у таксиста бензин, спрятав эту бутылку с бензином под свою одежду и направился к американскому посольству. Он подошел к милиционе-

рам, охраняющим посольство, и заявил, что хочет видеть президента США Никсона. Милиционеры (фактически это сотрудники КГБ) попросили у него документы и сказали "Пройдемте". Он понял, что его просят пройти не к президенту, а хотят задержать. Рядом с посольством у этих "милиционеров" находилась "каталажка" — небольшое помещение для временного задержания советских граждан. Литовец отбежал немного от милиционеров, выхватил бутылку с бензином, облил себя бензином и частично облил подбежавшего к нему милиционера. Если бы он успел зажечь спичку, то загорелось бы два факела: он и милиционер. Литовец не успел зажечь спичку, его схватили милиционеры за ноги и за руки, подняли и потащили в "каталажку". Одного из милиционеров он ударил ногой. У литовца задралась брюки. А у американцев на крыше посольства установлены две телевизионные камеры, чтобы наблюдать, что делается около посольства. Наблюдавшие за происходящим американцы начали кричать милиционерам: "Куда вы тащите женщину?" Им показалось, что тащат женщину. Видно, из-за того, что задралась брюки. КГБ не проявил интереса к этому литовцу. Следствие провела прокуратура Краснопресненского района, и его предали суду за хулиганство и нанесение удара милиционеру. Формула обвинения, как она была изложена в обвинительном заключении, носила глупейший анекдотический характер. В Уголовном кодексе хулиганство рассматривается как действие, нарушающее общественный порядок и выражающее явное неуважение к обществу. В формуле обвинения обвинительного заключения было написано: "совершил действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, а именно, пытался сжечь себя у американского посольства в Москве". В беседе со мной в тюрьме литовец рассказал, что он убежденный католик, что католикам лучше жить в США, а не в СССР, и что он хотел передать письмо президенту Никсону с просьбой помочь ему переехать в США. Когда я беседовал с литовцем, у меня возникли сомнения в его психической вменяемости. Он не был подвергнут во время следствия психиатрической экспертизе. Когда человек пытается покончить жизнь самоубийством, а тем более таким мучительным способом,

как самосожжение, то проведение психиатрической экспертизы просто необходимо. Американцы, очевидно, проявляли интерес к этому делу, тем более, что Краснопресненский районный суд тогда находился буквально через один дом от посольства, на той же стороне улицы Чайковского. Поэтому слушание этого дела назначили на среду, то есть на день, когда в московских судах вообще не слушают дела, и американцы не знали о рассмотрении дела. Я заявил ходатайство о проведении психиатрической экспертизы. Молодой прокурор, поддерживавший обвинение в суде, возражал против моего ходатайства и ссылаясь на то, что обвиняемый не состоял на учете в нервно-психиатрическом диспансере и нет оснований для назначения экспертизы. Суд согласился со мной и назначил судебно-психиатрическую экспертизу. Была проведена сначала амбулаторная экспертиза, и она дала заключение, что необходимо провести стационарную экспертизу. В период нахождения моего подзащитного на стационарной экспертизе в Институте имени Сербского в Москву из литовского колхоза приехал его брат, ибо семья разыскивала и разыскала уехавшего на отдых. В беседе со мной брат подтвердил, что мой подзащитный психически больной человек, что в его поведении давно отмечалось много странного. Стационарная экспертиза признала его невменяемым, суд освободил его от уголовной ответственности, и он был направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. В такие больницы в СССР весьма часто попадают усилиями КГБ психически здоровые люди, которые стали по тем или иным причинам неуютны режиму. Литовец, о котором идет речь, является исключением, ибо он действительно психически больной человек. Это то исключение, которое подтверждает печальное общее правило, бытующее в подсоветской России.

УБИЙСТВО АСПИРАНТКИ

Это уголовное дело прошло давно, но оно из тех, что запоминаются на всю жизнь. Ко мне в юридическую кон-

сультацию пришла весьма пожилая женщина и попросила защищать ее внука, которому 16 лет и которого недавно арестовали. Она объяснила, что ее сын, уходя на фронт в начале Второй мировой войны, оставил беременную жену и попросил свою мать вырастить будущего внука. Ее сын погиб на фронте, невестка не стала заботиться о родившемся мальчике, и она, бабушка, сама вырастила своего внука, а вот теперь он сидит в тюрьме, и обвиняют его в краже кур и варенья из каких-то сараев. Я задал первый вопрос, который обычно задает любой адвокат: "Какой следователь ведет дело внука?" Женщина по малограмотности не могла произнести фамилию и показала мне бумажку, на которой было что-то написано. Я прочитал "Иодалис". Мне стало все ясно, ибо я хорошо знал, что старший следователь прокуратуры города Москвы Иодалис ведет только дела об убийствах. Так оно и оказалось.

Заломаев (такова была фамилия внука обратившейся ко мне женщины) входил в группу подростков, которые совершили не только кражи разных вещей, в том числе кур и варенья из каких-то сараев и кладовых, не только разбойные нападения на прохожих, когда под угрозой ножа забирали часы и другие вещи, но и совершили убийство аспирантки Центрального Института усовершенствования врачей Уваровой. Действия этой группы отличались нахальством и дерзостью. Они совершали кражи самых различных вещей. В то время на радиаторах легковых автомобилей производства Горьковского автозавода как фирменный знак были укреплены металлические фигурки оленей. Заломаев и другие отвинчивали этих оленей и продавали их тем же хозяевам автомашин, у которых до этого они же их крали. Владельцы автомашин вынуждены были покупать у ребят оленей, так как в автомагазине их купить нельзя было.

Обстоятельства убийства аспирантки Уваровой были таковы. В тот день Заломаев и другие собрались в Александровском парке у Кремлевской стены, крепко выпили и направились от центра Москвы на Красную Пресню с целью совершения разбойных нападений. В группу входили мальчишки и девочки, старшему было 17 лет. У Никитских ворот они вошли в парадное. Хотели у какой-то женщины

под угрозой ножа забрать часы, но по лестнице спускался мужчина, они испугались, и попытка разбойного нападения не удалась. Может быть, если бы удалось у Никитских ворот отобрать часы, Уварова осталась бы жива. Двигаясь по Пресне, подростки подошли к бывшему Новинскому переулку (теперь это часть Кутузовского проспекта), где расположено общежитие Центрального Института усовершенствования врачей. У общежития стояла аспирантка Уварова, жившая в этом общежитии. В этот день она ходила со знакомым молодым человеком в кино. Когда-то было принято, что молодой человек провожает девушку после кино домой. Но теперь времена изменились. Она проводила своего молодого человека до метро "Краснопресненская" и сама пошла к себе в общежитие. Если бы она сразу зашла в общежитие, то тоже ничего не произошло бы. Но она залюбовалась на закат солнца над Москвой-рекой и стояла возле общежития. К ней подошла эта группа подростков. Заломаев спросил: "Который час?" У Уваровой часо не оказалось, и она сказала об этом. Отсутствие часов разозлило подростков. Старший из группы 17-летний парень из хулиганских побуждений нанес ей ножевое ранение в область печени. 15-летний участник группы тоже решил показать свою "доблесть" и нанес незначительное ножевое ранение, которое было непроникающим и значения не имело. Уварова нашла в себе силы зайти в общежитие. Там было много врачей — венгерских, корейских и других. Ей сразу же оказали медицинскую помощь и отправили в больницу, но кровотечение из печени обычно не удается остановить, и спустя несколько часов она умерла. Подростки видели, что Уварова зашла в общежитие, но что произошло дальше, они не знали. Они направились после этого на Арбат, и около диетического магазина старший группы решил возвратить нож, которым был нанесен смертельный удар, участнику группы Ильину. Нож принадлежал Ильину. Весь нож был в крови. Ильин сказал: "Вытри". Убийца достал носовой платок, вытер нож и бросил окровавленный платок в урну, стоящую у магазина.

Уварова погибла, но в руках следственных органов не было никаких данных, которые бы говорили о том, кто же совершил убийство. Между тем Уварова была человеком

интересной судьбы. Она родилась в селе Уварово Уваровского района Воронежской области. Во время Второй мировой войны ее отец был тяжело ранен, в госпитале врачи спасли ему жизнь, и он из госпиталя написал дочери, чтобы она стала врачом. Она с отличием окончила десятилетку, с отличием медицинский институт, стала прекрасным врачом, и ее послали в Москву в Центральный Институт усовершенствования врачей, где она подготовила кандидатскую диссертацию по микробиологии и вскоре должна была ее защищать. Секретарь Воронежского обкома партии приехал в Москву, в ЦК КПСС, и заявил: "Мы подготовили молодого ученого, послали ее в Москву совершенствоваться, а здесь ее убили и, более того, не могут найти виновных". ЦК КПСС дал указание Прокуратуре СССР срочно найти убийц. Жители села Уварово потребовали расстрелять убийц. Кафедра микробиологии Института усовершенствования врачей тоже потребовала расстрелять убийц. А их не могут найти. Проходит месяц, два, полгода, семь месяцев, следственные органы роют носом землю, допрашивают сотни людей, но никаких следов обнаружить не могут. И это убийство могло остаться нераскрытым, как и сотни других нераскрываемых убийств. Помог случай. Когда был нанесен смертельный ножевой удар Уваровой, вслед за мальчишками шли входившие в состав этой группы девочки. Одна из них, подруга Ильина, хотела даже зайти в общежитие и узнать, что с потерпевшей. Ильин ее не пустил. Через несколько месяцев эта девчонка совершила кражу, была осуждена на два года лишения свободы и попала в Можайскую исправительно-трудовую колонию под Москвой. Там в общем разговоре она случайно стала рассказывать об этом ножевом ранении и как это происходило. Среди слушательниц оказалась "стукачка", которая доложила об этом рассказе. Этот рассказ заинтересовал следственные органы. Об этом узнал Иодалис, он этапировал воровку в Москву, и через нее удалось раскрыть всю группу, участвовавшую в убийстве Уваровой, в разбойных нападениях и кражах. На судебном процессе нельзя было без боли в сердце смотреть на родителей убитой. Они держались мужественно, но их горе не знало границ. В деле было много фотографий Уваровой, и было ясно, что она была не

только способной молодой ученой, но и очень красивой женщиной. На суде обращала на себя внимание ее двоюродная сестра, похожая на нее, из того же воронежского села. Общественным обвинителем выступал представитель Центрального Института усовершенствования врачей, ассистент кафедры микробиологии. Требование расстрелять убийц, которое было вынесено жителями села Уварово и работниками Центрального Института усовершенствования врачей, повисло в воздухе. Все причастные к убийству были несовершеннолетними, а для них по закону самая суровая мера наказания — 10 лет лишения свободы. Во время суда шли разговоры о том, что общественные организации обратятся в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой разрешить в порядке исключения расстрелять убийц. Такие случаи иногда имели место. На этот раз такой Указ издан не был, и обвиняемые были приговорены к различным срокам лишения свободы в пределах 10 лет. Заломаев был осужден к 7 годам лишения свободы.

ДРАКА В РЕСТОРАНЕ "БУДАПЕШТ"

В центре Москвы расположен известный и популярный ресторан "Будапешт". Он имеет два входа с двумя вестибюлями. Один вход ведет в большой зал ресторана, а другой — на второй этаж, где расположены небольшие залы. В этих небольших залах часто проходят различные торжества и выпивки, организуемые какой-либо группой лиц или учреждением по семейному или общественному поводу. Эти залы никогда не пустуют. Однажды в одном из этих залов собралась большая группа бывших танкистов. За несколько лет до этого эти молодые люди служили в советской танковой бригаде, находившейся в Ираке и "помогавшей" арабам "вершить иракскую революцию". После возвращения из Ирака бывшие танкисты договорились ежегодно в определенный день и час встречаться на площади Свердлова в Москве. Встретившись там на этот раз, они направились в ресторан "Будапешт", расположились в небольшом

зале и крепко выпили. По соседству с ними в другом зале расположились сотрудники сверхсекретного института, собравшиеся на банкет по поводу 10-летия своей номерной организации. Поскольку этот институт был не только сверхсекретным, но и сверхпривилегированным, то кадры его подбирались из советской элиты. Одним из руководителей института и участником этого банкета в ресторане "Будапешт" был сын члена Политбюро М.А.Суслова, среди сотрудников и участников — племянница М.В.Фрунзе, другие сынки и дочери людей из верхних звеньев партийно-государственного аппарата. Случилось так, что пиршество и выпивка в соседних залах закончились в одно и то же время, а потому "сусловцы" и "танкисты" оказались одновременно в вестибюле ресторана у гардероба. Этот вестибюль очень тесный. Каждый хотел получить скорее свою одежду в гардеробе, началась свалка и драка между "сусловцами" и "танкистами". Драка носила взаимный характер, но все же "танкисты" были моложе и здоровее, а потому "сусловцам" досталось больше, один из них получил тяжкие телесные повреждения, досталось и сыну М.А.Суслова. Было возбуждено уголовное дело, и началось расследование. Когда идет речь о массовой драке, массовых беспорядках, очень трудно разобраться, кто прав, а кто виноват, кто именно нанес тяжкое телесное повреждение, кто начал, а кто защищался. Но в этом деле все было predetermined. Давление сверху на следственно-прокурорские органы было таким мощным, что за эту драку никого из "сусловцев" к ответственности не привлекли, а посадили на скамью подсудимых только группу "танкистов". Дело рассматривалось в Свердловском районном суде города Москвы. Я защищал из этой группы двух "танкистов". Дело было чрезвычайно острым. В особо затруднительном положении был председательствующий по делу, в то время председатель Свердловского районного суда Щукин. Он инвалид Второй мировой войны, без руки. Как бывший солдат, он всей душой сочувствовал "танкистам". А оказывали воздействие на него на самом высоком уровне. В дни рассмотрения дела ему звонили и давали прямые указания по этому делу руководители Верховного суда СССР. Это означает, что инициатива давления исходила от самой верхней ступени

партийной иерархии. Когда в суде допрашивали в качестве свидетелей и потерпевших сына Суслова и других сотрудников этого сверхсекретного института, то сочувствие публики, переполнившей зал, было на стороне "танкистов". Я просил об оправдании моих подзащитных. Шукин под воздействием мощного давления сверху вынужден был вынести обвинительный приговор, но ограничился мягкими мерами наказания. Все это дело было скрыто от внимания посторонних и не освещалось в печати. Советская элита постаралась замолчать этот хоть и небольшой, но весьма неприятный для нее инцидент.

УПАЛ СТРОИТЕЛЬНЫЙ КРАН

Всеобщее и повседневное пьянство, бытующее в подсоветской России, — причина многих трагедий и преступлений. Иногда ссылка на эту причину бывает ошибочной и едва не привела в том деле, о котором рассказывается, к судебной ошибке. В городе Мытищи, под Москвой, на строительстве многоэтажного жилого дома упал большой строительный башенный кран. Крановщик не успел выскочить из своей кабины и погиб. При падении крана кабина зарылась в землю, и труп крановщика долго не могли извлечь, ибо понадобилось привозить другие мощные краны, чтобы поднять упавший. При расследовании выяснилось, что погибший крановщик был в сильной степени опьянения. Стропальщики, которые работали вместе с ним, были в слабой степени опьянения. Прораб был в слабой степени опьянения. Кто же был трезв? Оказалось, что трезвым был только кран. Естественно, что следствие выдвинуло версию, согласно которой кран не вытерпел пьяного обращения с собой и упал. Выяснилось, что когда погибший крановщик заступал на последнюю в своей жизни смену, то молодой крановщик, которого он сменял, заметил, что пришедший на работу сильно пьян, предложил ему пойти домой выспаться, сказав, что сам отработает вторую смену за него. Это предложение принято не было. Погибший заявил, что он

всегда работает в таком виде и все обходится. Было возбуждено уголовное дело против прораба, и его обвиняли прежде всего в том, что он допустил на работу пьяного крановщика, и тот, будучи пьян, одновременно нажал в кабине крана несколько рычагов, неосмотрительно управлял краном, и в результате кран упал, погиб человек и был нанесен большой материальный ущерб. Я защищал этого прораба в судебном заседании Мытищинского городского суда. В порядке подготовки к рассмотрению этого дела я провел консультации с крупными специалистами по строительным башенным кранам, и мне стало ясно, что даже при пьяном обращении кран не должен был упасть, что он упал по какой-то другой причине. Я заявил в суде ходатайство о назначении повторной технической экспертизы. Повторная техническая экспертиза установила, что кран упал не из-за пьяного с ним обращения, а из-за того, что под крановые пути был насыпан мерзлый грунт со льдом, и когда грунт под влиянием весеннего тепла оттаял, то подкрановые пути осели, и кран упал. За насыпку грунта отвечал начальник механического участка, а не прораб. Так главная ответственность за происшедшее была перенесена с моего подзащитного на другое лицо. Это редчайший случай, когда не пьянство послужило причиной гибели человека и серьезной аварии на строительстве. Это исключение, которое подтверждает лишь общее правило. В подсоветской России на тысячах строек каждодневно именно из-за пьянства получают травмы и гибнут рабочие, инженеры и техники самых различных строительных профессий.

РАЗБОЙ НА КЛАДБИЩЕ

Недалеко от юридической консультации, где я работал, расположено старое московское кладбище — Ваганьковское. Там, среди многих могил, могилы Есенина, Владимира Высоцкого и недавно убитой при непонятных обстоятельствах моей клиентки известной киноактрисы Зои Федоровой. На этом кладбище совершалось много преступле-

ний, и часто в уголовных делах, по которым я осуществлял защиту, шла речь о событиях, происшедших на Ваганьковском кладбище.

Так, вспоминается уголовное дело, когда на скамье подсудимых сидел комендант этого кладбища и семь работавших там могильщиков. Они бессовестно грабили тех, кто хотел похоронить своих родных на Ваганьковском кладбище. Разрешалось официально хоронить только в том случае, если на этом кладбище похоронен родственник покойного и со времени захоронения прошло не менее 15 лет. За взятки комендант и могильщики были готовы похоронить любого в любую могилу, и за деньги шли не только на совершение уголовного преступления, но и на богохульство. Они исправляли надписи на могильных крестах, меняя даты смерти, чтобы получалось, что уже исполнилось якобы 15 лет со дня захоронения. Они пользовались тем, что родственники, желающие похоронить своего близкого, находятся в горестном расстройстве, и выманивали у них приличные суммы денег, то есть занимались злоупотреблением своим служебным положением и мошенничеством. Комендант и могильщики были осуждены к лишению свободы, но это ничего не дало и не могло дать. Такие дела возникали периодически вновь и вновь. На кладбище бывали и случаи настоящего разбоя. Разбоем по советским законам называется нападение с целью завладения личным имуществом граждан, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего или с угрозой применения такого насилия. За разбой может быть назначено лишение свободы на срок до 15 лет. Запомнилось дело о разбое, где потерпевшим был солдат советской армии. За хорошую службу он получил отпуск на 3 дня. Дома он снял военную форму, надел гражданский костюм, часы, новое пальто отца. Отец этого пальто еще не надевал, берег для праздничного дня. В этой гражданской одежде солдат у Краснопресненской заставы встретил своего знакомого парня, рассказал, что находится в трехдневном отпуске из армии и хотел бы провести время с какой-либо девочкой. Тот познакомил его с 17-летней красивой татаркой, и она ему приглянулась. Эта татарка — Зухра Шарифутдинова — повела солдата через Ваганьковское кладбище к дому пред-

полагаемого свидания. По дороге на кладбище Зухра зашла за ограду одной из могил, села на скамеечку и позвала к себе солдата. Он сел рядом. В этот момент подбежало несколько молодых людей, которые использовали Зухру как приманку. Один из них ударил солдата лопатой по голове и велел снимать пальто, костюм, часы. Солдат сначала не понял, чего от него хотят. Он думал, что раздеваться надо будет позже, в доме, где предполагалось свидание с Зухрой. Тогда его ударили лопатой еще раз и с такой силой, что он потерял сознание. Сняли с него все вещи. Оставили в одном нижнем белье лежать у могилы, а сами убежали. Только к вечеру к солдату вернулось сознание, и он в нижнем белом белье едва побрел по кладбищу. Встретившаяся ему женщина приняла его сначала за ожившего покойника, а потом все же помогла ему. Он долго еще после этого лежал в больнице, прежде чем возвратиться в армию. Совершившие разбой быстро и дешево продали все похищенные вещи и пошли пьянствовать на квартиру, которая давно была под наблюдением милиции. Там их и арестовали. Тот, кто нанес удар лопатой, получил 15 лет лишения свободы. Зухра Шарифутдинова, которая служила приманкой, получила 7 лет лишения свободы. Русская девочка 16 лет, которая лишь присутствовала при этом преступлении, а потом ела конфеты, купленные на деньги, вырученные от продажи вещей солдата, получила 3 года. Она была признана виновной в недонесении, ибо недонесение о разбое по советским законам — преступление, предусмотренное статьей 190 Уголовного кодекса.

Так завершилось это дело о разбое на Ваганьковском кладбище. Такие дела — повседневное явление на этом кладбище. Здесь часто собираются алкоголики, наркоманы, любители поэзии. Здесь издавна пьют водку, читают стихи, поют под гитару у могилы Сергея Есенина, а теперь и у могил Владимира Высоцкого и Зои Федоровой. Здесь, на этом кладбище, своеобразно переплетаются в жизни поэтическая и криминальная хроники.

РАСХИТИТЕЛИ В МОРГЕ

Иногда из дела, проведенного давно, запоминается не

весь судебный процесс, не все обстоятельства дела, а один эпизод, но эпизод яркий, интересный, примечательный. В больших производственных мастерских при крупной московской больнице обосновалась группа расхитителей. Они наладили выпуск неучтенной или, как говорят, левой продукции, совершали крупные хищения, и им периодически нужно было где-то собираться, чтобы подсчитать и разделить между собой свои незаконные доходы. Желая не привлекать внимания и быть подальше от посторонних глаз, они решили собираться в больничном морге. Периодически они там собирались. Следственные органы оперативным путем, то есть по доносам "стукачей", узнали о существовании этой группы расхитителей и, более того, узнали, в какой день и час они должны в очередной раз собраться в морге для дележа доходов. Заранее работники следственных органов спрятались и замаскировались в морге с тем, чтобы поймать преступников с поличным. В разгар дележа следственные работники выскочили из укрытий. Переполох и испуг пойманных с поличным был неопишем. На следствии и в суде один из обвиняемых заявил, что в первый момент им показалось, что воскресли находившиеся в морге покойники. Когда же допрашивали в суде следственных работников, участвовавших в этой операции, то они рассказывали, что пойманные с поличным от внезапности разоблачения и места события были так бледны, что их трудно было отличить от покойников. Операция в морге позволила следствию изобличить участников хищения и стала важнейшим источником доказательств для последующего судебного процесса.

МОШЕННИКИ

Среди других уголовных дел особое место занимают дела о мошенничестве. Своеобразие заключается в том, что обвиняемые по этим делам всегда проявляют какой-то ум, понимание человеческой психологии, а потерпевшие выглядят глупо и вызывают не столько сочувствие, сколько

смех, ибо оказываются в глупейшем положении в значительной степени по своей собственной вине.

Расскажу о двух делах этой категории. Первое дело довольно большое. На скамье подсудимых в Ленинградском районном суде Москвы сидела группа в составе 10 мошенников, которые продавали вместо мотоциклов воздух и получали за это десятки тысяч рублей. Я защищал одного из них. Он был мозговым центром группы и разработал всю психологическую стратегию их действий. В подсоветской России очень мало поступает в продажу тяжелых мотоциклов. Они пользуются большим спросом у населения среднеазиатских и кавказских республик. Эти мотоциклы типа "Урал" очень удобны в сельской местности и могут быть использованы для перевозки фруктов и овощей. В Москву из областей и республик приезжают люди, готовые заплатить за такой мотоцикл не только солидную государственную цену, но и дать сверх этого взятку за возможность купить такой мотоцикл. В Подмосковье расположен магазин, где иногда, но очень редко бывают в продаже эти тяжелые мотоциклы. Около этого магазина многие дни проводят приезжие, желающие купить мотоцикл. Мошенники действовали по разработанной моим подзащитным схеме. Один из мошенников включается в число потенциальных покупателей и изображает из себя лицо, приехавшее в Москву и желающее тоже приобрести мотоцикл. Через несколько дней этот мошенник рассказывает другим покупателям, что он нашел человека из московского министерства и тот может достать тяжелый мотоцикл с оплатой сверх государственной цены. Несколько человек из жаждающих купить мотоцикл просят познакомиться и их с этим человеком из министерства. На следующий день заинтересованные люди отправляются в министерство. Между тем другой мошенник из этой же группы мошенников, пользуясь тем, что в каждом министерстве, особенно днем, в обеденный перерыв, можно найти какую-либо свободную комнату, располагается в такой комнате и поджидает там покупателей, которых туда по одному приглашает первый мошенник. Сидящий в министерской комнате мошенник одет солидно, в очках, при галстукe и имеет сугубо официальный вид министерского ответственного чиновника. Пер-

вым к нему заходит его же соучастник, который привел покупателей. Он якобы передает свои деньги и выходит, держа в руках накладную на получение мотоцикла со склада министерства. Вслед за ним заходят настоящие покупатели, передают многие тысячи настоящих рублей и получают вместо этого липовые накладные. Им предлагается подождать, а потом пойти на склад за мотоциклами. Когда они убеждаются, что по этим накладным они ничего получить не могут, мошенников уже и след простыл. Мошенники выбирали такие министерства или крупные ведомства, помещения которых имеют два выхода. По делу были выявлены эпизоды такой "продажи" мотоциклов в 20 зданиях различных московских министерств и ведомств. Потерпевшие сразу же обращались в милицию, но поиски мошенников на протяжении длительного времени не давали результатов. Обычно после удачной операции они вместе со своими любовницами укатывали на юг, где быстро прокучивали полученные деньги, и возвращались спустя несколько недель в Москву, чтобы приступить к следующей операции. Во время слушания дела в суде, когда допрашивали потерпевших, трудно было удержаться от смеха. Потерпевших по делам о мошенничестве называют обычно "олухами". Многие из них были колхозниками из Средней Азии. Дело слушалось летом, и в зал судебного заседания они приехали с мешками дынь и арбузов, чтобы заработать и на этой поездке в Москву. При их допросе выявлялся их низкий уровень развития, и их обмануть было не так уж трудно. Но среди потерпевших были и другие люди. Был, например, инженер-конструктор с саратовского завода, но и его обманули. Выяснилось, что мой подзащитный долго наблюдал за нравами приезжающих в подмосковный магазин за тяжелыми мотоциклами, прежде чем разработать стратегию и тактику мошеннического обмана, в результате которого из карманов "олухов" в карманы мошенников перекочевало много десятков тысяч рублей. Защита в суде доказывала, что часть вины ложится и на потерпевших, соглашавшихся на незаконное приобретение мотоциклов, то есть они по сути дела шли на дачу взятки. Следственно-прокурорские органы, как обычно, еще во время следствия вынесли постановления прекратить дела потер-

певших, ибо иначе они могли бы отказаться от своих обвинительных показаний в адрес мошенников, и все дело рухнуло бы. Мошенники были осуждены к небольшим срокам лишения свободы. Советское уголовное законодательство предусматривает небольшие сроки за мошенничество в отношении частных лиц, ибо оно не наносит ущерба государству. Своего подзащитного я наблюдал после отбытия им наказания в жизни, поскольку он жил недалеко от моего дома и я с ним иногда встречался. При каждой встрече я убеждался, что это умный, способный человек, с психологическим чутьем, но его устремления были направлены лишь на извлечение прибыли любым способом.

Другое дело было связано с мошенничеством в значительно меньшем масштабе, но представляет интерес в другом плане. Ко мне в юридическую консультацию пришли две невесты и попросили защищать их женихов. Женихи были под стражей, и симпатичные молодые невесты горячо переживали за них. В чем же провинились женихи? Однажды у них не оказалось денег, а деньги были очень нужны. У них был магнитофон и, кроме того, футляр от другого магнитофона. В этот футляр от магнитофона они положили кирпич, комплект журнала "Политическое самообразование" за 1969 год и еще кое-что, и получилась видимость магнитофона. Их жертвой стал советский офицер — слушатель военно-авиационной Академии имени Жуковского. Он мог купить магнитофон в магазине, но там он стоил дороже. Он мог купить магнитофон в комиссионном магазине, где он стоит дешевле. Но он польстился купить его у наших женихов еще дешевле и был за это наказан. Он встретил их в комиссионном магазине. Магнитофон надо было проверить. Они пошли в ресторан при Белорусском вокзале и в гардеробе ресторана включили в сеть, естественно, исправный магнитофон, а после проверки женихи подменили покупку и вручили ему футляр с кирпичом и комплектом журнала "Политическое самообразование" за 1969 год. Обнаружив дома обман, офицер обратился в милицию. Женихов найти не могли и не нашли бы. Спустя несколько месяцев один из женихов, решив, что опасность миновала, рассказал об операции с магнитофоном в беседе со своими приятелями в кафе. Кто-то из слушавших эту беседу доло-

жил об этом. Возникло уголовное дело, и оба жениха оказались в тюрьме. По этому делу весьма неприглядно выглядел потерпевший офицер — слушатель Военно-Воздушной Академии имени Жуковского. Это понимал председатель Ленинградского районного суда Москвы — опытный судья Юдин. Он решил сам рассматривать это дело и назначил его к рассмотрению по месту службы потерпевшего — в клубе Военно-Воздушной Академии имени Жуковского. Слушать дело собралась большая офицерская аудитория. Потерпевший под благовидным предлогом не явился. Во время перерыва в ходе судебного заседания ко мне подошла жена потерпевшего и говорит: "По вашим вопросам в ходе судебного следствия я понимаю, что вы в своей защитительной речи собираетесь нападать на моего мужа. Я умоляю вас не делать этого. Его могут исключить из Академии, а он уже на четвертом курсе. Я вас очень прошу". Я постарался учесть ее просьбу, но я обязан был выполнить прежде всего свой адвокатский долг, использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемых или смягчающих их ответственность. Обвиняемые получили незначительное наказание, и вскоре женихи возвратились к своим невестам.

ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО 17-летней ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Когда это дело слушалось в суде, зал был переполнен. Пришли и многие мои знакомые, пришел со своей новой женой сын Народной артистки Аллы Константиновны Тарасовой и другие. Всех привлекал романтический характер этого дела. Миша и Оля полюбили друг друга в 16 лет. Их матери (своих отцов они не знали) препятствовали их встречам. В конце концов Миша добился, чтобы Оля переехала жить к ним. Брачный возраст в СССР установлен в восемнадцать лет. Он может быть снижен местными органами власти, но не более чем на два года. Миша и Оля ни-

куда не обращались и жили в фактическом браке без регистрации, как живут тысячи советских людей, которые далеко перешагнули рамки брачного возраста, но по разным причинам не хотят регистрировать брак. Однажды в зимний вечер Миша и Оля собрались пойти на каток кататься на коньках. За ними зашла другая молодая пара и уговорила их пойти не на каток, а на танцы. Зашли в один клуб, в другой — танцзалы были переполнены, места не было, билеты уже не продавали. Что делать? Решили пойти домой к этой молодой паре, с которой пошли на танцы. А если идти к ним, что надо сделать? Было ясно, что надо приобрести водку и закуску. Приобрели, выпили, и особо сильно напился Миша. По дороге домой, в автобусе и на улице, он вел себя безобразно. Оля заявила ему: "Раз ты себя так ведешь, то я не пойду к тебе, а пойду ночевать к себе домой". Последнее время она ночевать домой никогда не ходила. Когда подходили к дому, где жил Миша, он спросил у Оли: "Ты любишь меня или нет?" И не успела Оля ответить, любит она его или нет, как он нанес ей перочинным ножом удар в область сердца. Этот нож она ему незадолго до этого подарила. Оля упала. Он поднял ее на руки, донес домой, положил на кровать, лег рядом, стал рукой зажимать рану и тушить свет. Когда его мать стала кричать: "Ты убил Олю!", он заявил: "Не шуми", вывернул лампочку, лег снова рядом с Олей и чуть ли не заснул. Вызвали скорую помощь и милицию. Мишу арестовали. Олю срочно доставили на операционный стол. В результате ножевого ранения на сердечном желудочке оказался разрез размером около 2 см. Это хуже любого инфаркта. Но медики теперь фамильярно обращаются с сердцем. Разрез зашили. Олю от смерти спасли. Но в 17 лет она стала инвалидом 2-й группы. Когда я пришел в тюрьму побеседовать с Мишей, то я увидел перед собой озлобленного волчонка. Пришлось приложить усилия, чтобы вызвать его на откровенный разговор. Он рассказал, что очень любит Олю и что если она простит его, то и дальше будет с ней, что матери и отчиму он не нужен и что если уже было ему суждено нанести кому-либо ножевой удар, то лучше он бы нанес его матери, а не Оле. Я убедился позже, что судьба Миши его матери и отчиму была действительно безразлич-

на. Оля же еще до суда пришла ко мне в юридическую консультацию. Она понимала, что едва не лишилась жизни по его вине, и все же спрашивала меня только об одном: чем она может в суде помочь Мише? В суде она старалась всячески смягчить его вину. В ходе судебного рассмотрения мне удалось доказать, что у обвиняемого не было умысла, направленного на убийство, о чем свидетельствует все его поведение после нанесения ножевого удара, что в данном случае было нанесено тяжкое телесное повреждение, опасное для жизни в момент нанесения. Миша был осужден на пять лет лишения свободы. Их взаимная любовь выдержала это тяжкое испытание. Ее не разрушил и опасный для жизни ножевой удар в одно из двух любящих сердец.

ПОТЕРПЕВШИЕ — СЛОН И БЕГЕМОТ

Периодически в московских судах рассматривались уголовные дела, так или иначе связанные с деятельностью московского зоопарка. Интересным было дело, где пострадавшими являлись слон и бегемот. Служительница зоопарка, которая ведала уходом за этими животными, систематически их обкрадывала. Значительную часть большого рациона питания слона и бегемота эта служительница относила к себе домой, и ее муж гнал из этих продуктов самогон. Как это ни удивительно, разоблачил ее сам слон. Слон — экзотическое дорогое животное. По правилам его содержания один раз в месяц полагалось производить ему дезинфекцию желудка. Делалось это так: слону давали ведро спирта, он с удовольствием выпивал его, и желудок дезинфицировался. Служительница и в этом обманывала слона. Она разбавляла спирт водой наполовину, а потом и больше. В конце концов она стала присваивать весь спирт, а вместо спирта стала давать слону самогон, который изготовлял ее муж. Этот самогон плохо пах, слону это не нравилось, он разозлился, опрокинул ведро и, оперируя хоботом, надел пустое ведро служительнице на голову, а она не могла его снять. Это происшествие привлекло внимание.

Начали выяснять, чем объясняется поведение слона, который обычно отличался спокойствием. Произвели проверку, ревизию, потом началось расследование, и в результате родилось уголовное дело, назначенное к слушанию в суде Советского района города Москвы, располагавшемся тогда в старом особняке на Садовом кольце напротив московского планетария. Помню, как при подготовке дела к слушанию я спрашивал судью: "Ну, а потерпевших — слона и бегемота — будете вызывать в судебное заседание?"

БЕЗ СИРОПА

Однажды пришла ко мне замученная жизнью женщина, работающая машинисткой, и попросила защищать ее 17-летнего сына. Сложность его защиты заключалась в том, что он привлекался к уголовной ответственности вторично. Он был уже судим, отбывал наказание в детской исправительно-воспитательной колонии и теперь совершил новое преступление. При этих условиях были все шансы, что он будет осужден к реальному лишению свободы. Мать считала, что он при этом погибнет, и просила меня сделать все, чтобы его не посадили, чтобы он мог в ближайшее время жениться. К просьбе матери присоединялись его невеста, его сестра и ее муж, его бабушка. При таком большом числе переживающих за судьбу моего подзащитного я приступил к ведению защиты по этому делу. В чем же обвинялся Николай? Он хотел пройти на школьный вечер в школу, где училась его невеста и до первого осуждения учился и он сам. Его не пустили. Завуч школы при этом заявила, что "Мы не пускаем на вечера судимых". Ему это было обидно, и он попытался войти в школу через черный ход. Когда он туда зашел, то увидел, что там стоит оставленное кем-то из живущих при школе охотничье ружье. Николай взял это ружье, унес его из школы и спрятал. Это выяснилось. Его обвинили в краже охотничьего ружья, и обвинение усугублялось предыдущей судимостью. Дело рассматривалось

в Ленинском районном суде города Москвы. Председательствовала в суде по этому делу судья Сытина. Это была разумная и сравнительно мягкая судья. Я мобилизовал все возможные аргументы, чтобы доказать, что нет необходимости приговаривать Николая к лишению свободы. Суд со мной согласился, и был вынесен условный приговор, не связанный с лишением свободы. После вынесения приговора Николай, его мать, бабушка, невеста, сестра и ее муж вышли вместе со мной во двор суда, который располагался тогда на улице Кропоткина. Был солнечный летний день. Я должен был ехать в другой суд, знакомиться с очередным делом. А Николай и его родные собирались поехать в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького погулять. У них было прекрасное настроение, и мне было ясно, что по русскому обычаю и по поводу радостного события они могут выпить. Я собрал их всех вместе во дворе суда и заявил, что Николай может пить только газированную воду без сиропа, ибо в сиропе может быть алкоголь. Если он выпьет и опять что-то совершит противозаконное, то никто его не защитит. На этом мы разошлись. Через неделю ко мне в юридическую консультацию приходит бабушка Николая и говорит: "Мы так были вам благодарны, что вы защитили Николая и его не посадили, а вчера мы его похоронили". Я был потрясен этими словами. Оказывается, через пару дней после суда и поездки в парк Николай вместе со своим товарищем пришел в гости к их знакомому молодому человеку. Они собирались слушать магнитофонные записи. Пренебрегая моими советами о сиропе, принесли с собой две бутылки водки, распили ее, показалось мало, и тогда достали из-под кровати еще одну бутылку. Пришедшие в гости считали, что в этой бутылке тоже водка, а хозяин квартиры в это время смотрел телевизор. Оба гостя отхлебнули из этой бутылки по глотку. В действительности в этой бутылке был дихлорэтан — жидкость, используемая для склейки магнитофонной ленты. Это смертельный яд. Оба молодых человека по нескольку дней промучались в больнице и скончались. Бабушка Николая пришла ко мне не только рассказать о смерти внука, но высказала предположение их семьи о том, что хозяин квартиры специально подстроил все это, ибо имел виды на не-

весту Николая. Просили меня вести это дело, ходатайствовать о проверке этой версии. Никаких достоверных доказательств для этого обвинения не было. Я заявил, что я адвокат, а не прокурор, и не взялся за ведение этого дела. Когда судья Сытина узнала о гибели Николая, она мне сказала: "Вот послушалась я вас, адвокат. Лучше отсидел бы он несколько лет и был бы жив-здоров".

СОВЕТСКИЕ ДЕТИ И ФРАНЦУЗСКАЯ ФИРМА

Ряд лет в нашу семью приносила письма и газеты почтальон Галя, худая и бедная женщина, которая с немалыми трудностями воспитывала троих детей. Однажды она пришла в большом расстройстве, рассказала, что ее с 14-летним сыном вызвали к следователю в прокуратуру, что ей нужен адвокат, и просила меня вести дело сына в прокуратуре. Я согласился и при ознакомлении с материалами дела ее сына узнал об обстоятельствах, весьма характерных для советской действительности. В Москве недалеко от Покровских ворот в большом красивом доме дореволюционной постройки разместилось несколько представительств различных французских, японских, западногерманских и других фирм. Во дворе этого дома была помойка, и туда работники фирм выкидывали различную ненужную им яркую красочную упаковку от поступающих к ним из их стран изделий. Эта упаковка привлекала внимание окрестных мальчишек, и они ее собирали и таскали в подвал одного из домов в Лялином переулке. В этом подвале в одной из комнат группа ребят организовала свой "штаб", притащили туда иностранные коробки, этикетки, обклеили стены красочными рекламами, найденными на этой знаменитой "иностранной" помойке около представительств капиталистических фирм. Потом ребятам этого показалось мало. В один из выходных дней, когда представительства не работали, трое ребят по пожарной лестнице, а потом через окно залезли в представительство французской фир-

мы. Они взяли оттуда авторучки, карандаши, копировальную бумагу, скрепки и всякую другую канцелярскую ерунду. Отнесли это к себе в подвал и поделили между собой. Через некоторое время повторили такую же операцию и опять взяли то же самое. Но во время третьей операции внимание ребят во французском представительстве привлек небольшой металлический сейф. Они прихватили и его с собой. Когда тащили сейф от Покровского бульвара к Лялину переулку, им пришлось пройти мимо стоящего у Покровских ворот на посту милиционера, ребята боялись разоблачения, но все обошлось. Они притащили сейф в подвал. Им потребовалось много усилий, чтобы его взломать. В нем оказались доллары, франки, фунты стерлингов, сертификаты, талоны на бензин и печати представительства французской фирмы. Эту добычу ребята разделили между собой. Следует сказать, что тут же в "штабе" они играли в карты, и валюта переходила из одних рук в другие. После исчезновения сейфа французская фирма сделала соответствующее заявление советским властям. Было возбуждено уголовное дело, и вскоре были выявлены эти несовершеннолетние похитители. Почти все похищенное было у них обнаружено и возвращено фирме. Ребятам грозило лишение свободы. В ходе следствия мне удалось убедить следователя, а потом и прокурора, что дело нужно прекратить. Я ссылаясь на то, что если дети предстанут перед судом, то через представителей французской фирмы судебный процесс попадет во французскую печать, где расскажут, как советские дети роются в помойках и собирают иностранную упаковку. Я указывал, что имеющийся небольшой ущерб родители детей фирме возместят. Со мной согласились, дело было прекращено. Естественно, что, когда я ходатайствовал о прекращении дела, меня в действительности заботил не советский престиж, а я думал о бедном почтальоне Гале, и был бесконечно рад, когда смог ей через некоторое время сообщить, что ее сына судить не будут, что дело прекращено.

ЛЮБОВНИЦА КАНАДСКОГО БИЗНЕСМЕНА

Ко мне пришла посоветоваться молодая красивая жен-

щина. Она рано лишилась родителей и зарабатывала на жизнь, работая натурщицей в художественном училище. Даже за позирование в обнаженном виде платили мало, и это был весьма утомительный труд. Через некоторое время она стала любовницей канадского бизнесмена, руководителя московского отделения крупнейшей канадской фирмы. Он снял для нее квартиру и одарил ее за два-три года так, что я при ведении дел о наследстве или разделе имущества крупных писателей, генералов и тому подобных состоятельных лиц не видел в перечислениях имущества такого количества бриллиантов, золота, шуб из самых дорогих мехов, одежды, обуви, радиоаппаратуры, какое было у нее. Однажды Аня отправилась днем к зубному врачу, а потом в кино. Она обычно была днем свободна, работа у нее была ночная. Когда она возвратилась вечером домой, то обнаружила, что квартиру обворовали и довольно много вещей исчезло. Она заявила о краже в милицию. Началось расследование. Через некоторое время часть похищенного нашли и возвратили Ане. Похоже, что кражу организовали органы КГБ, которые хотели скомпрометировать канадского бизнесмена и искали на квартире у Ани валюту, но не нашли ее. Придя ко мне, Аня выражала сожаление по поводу того, что заявила в милицию о краже. Она говорила: "За год я бы нажила снова то, что похитили". А пока произошла другая большая неприятность, и об этом она и пришла посоветоваться. Когда она перестала работать натурщицей в художественном училище и стала любовницей канадского бизнесмена, ей хотелось все же числиться где-либо на работе, чтобы шел стаж для пенсии. Она оформилась на работу в небольшой трест, там не работала, а зарплату отдавала директору треста, который оформил ее на работу. Работу за нее в тресте выполнял работавший там пенсионер, который боялся, что его уволят, и выполнял работу за двоих. Когда милиция стала расследовать дело о краже, то выяснилось, что Аня числится на работе в тресте, там не работает, а деньги получает. Ее вызвали на Петровку 38, и целый день группа следователей требовала от нее, чтобы она дала показания о том, что давала взятки директору треста. Ей говорили: "Вы совершили хищение государственных средств. Не работали, а получали государственные

деньги. Но вам ничего не будет, если вы расскажете о том, что давали взятки директору треста". Аня мужественно выдержала все угрозы, не соблазнившись обещаниями, и ничего о директоре не рассказала. Мне же она заявила: "Я не могла сказать о директоре. У него двое детей, небольшой оклад. Если я скажу о нем, его посадят. Что делать?" Я понимал, что ее горизонтальная профессия, все ее отношения с канадским бизнесменом просматриваются КГБ и эти отношения их устраивают, ибо позволяют в случае необходимости иметь еще один канал информации. От КГБ все это известно и милиции. Но как быть с директором треста, что придумать, чтобы милиция могла закрыть это дело, ибо раздуть его у них не было интереса? Я предложил Ане следующее. Поскольку милиция знает, что в тресте Аня зарплату получала, фактически не работала, знает и о ее горизонтальной профессии, то пусть она заявит, что всю работу в тресте за нее выполнял пенсионер, а она ему за это оказывала такие же услуги, как и канадскому бизнесмену. Поскольку работа выполнялась, то государство ущерба не несло, нет в этом случае хищения государственных средств, и, следовательно, не было оснований для дачи взятки. От меня Аня поехала договариваться с пенсионером. Его не было дома, он был за городом. Его жена согласилась на этот вариант. К этому времени директор треста и пенсионер уже знали о расследовании и были обеспокоены перспективой привлечения к уголовной ответственности. Однако, возвратившись в Москву, пенсионер не согласился подтвердить предложенный мною вариант. Аня была снова в расстройстве и снова приехала ко мне. Я объяснил, что в этом ничего плохого нет. Пусть он не подтверждает. Если бы он подтвердил, то могли бы подумать, что специально договорились, а так обстоятельства выглядят еще более жизненно. Новые объяснения Ани удовлетворили милицию, и было вынесено постановление прекратить дело по тресту о хищении государственных средств и даче взятки. Аня продолжала улаживать канадского бизнесмена. Нами были поданы заявления о возврате похищенных вещей. Было ясно, что часть ценной аппаратуры прилипла к рукам работников милиции. Много пришлось приложить труда, чтобы получить обратно хотя бы часть этих дорогих

вещей. Из бесед с Аней стало ясно, как пристально КГБ следит за каждым шагом канадского бизнесмена, а заодно и за ней. Однажды этот канадец рассказал ей, что из Канады в Москву на несколько дней приезжает видный бизнесмен и что хорошо бы познакомить его с какой-либо подругой Ани, чтобы ему не было скучно в Москве. Аня имела неосторожность по своему телефону позвонить подруге и договориться о том, что канадский бизнесмен будет ждать ее в определенный день и час у колонн Большого театра. Как только подруга Ани появилась в условленном месте, к ней обратился еще до всякого канадца молодой человек из КГБ, который попросил ее немедленно покинуть место свидания. Очевидно, КГБ считал необходимым следить за вновь приехавшим канадцем своими силами, а если они захотели бы использовать для этого женщину, то подослали бы к нему подготовленную ими проститутку — так называемую "ласточку".

МИЛИЦЕЙСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

В судебных делах очень часто встречаются составленные милицейскими работниками протоколы, акты и другие документы, которые изобличают неграмотность и примитивность мышления их авторов. Некоторые из них носят анекдотический характер. В свое время один из советских министров юстиции дал указание своим ревизорам при ознакомлении с судебными делами на периферии выписывать наиболее интересные милицейские документы и помещать их копии в специальную папку. Мне довелось познакомиться с этими документами. Некоторые из них я приведу. Классическим образцом является протокол, составленный милиционером в одном из сибирских поселков, об обнаружении двух трупов на берегу реки Томь. В этом протоколе были такие строки: "Данное мертвое тело по всей видимости купалось в реке, затем вылезло на берег, скрючилось и околело". Далее следовало описание обнаруженных на трупе ранений. По старым правилам су-

дебной медицины размер ранений обозначался разными монетами. Например, в протоколе указывалось: "на правой голени ранение величиной в пятак", "на левом бедре ранение величиной в гривенник". В конце протокола, составленного на берегу реки Томь, было написано: "А всего на группе ранений на два с полтиной".

В Московской области в одном сельском районе милиционер написал в официальном документе: "обвиняемый вел роскошный образ жизни, покупал ириски". В другом районе Московской области милицией было возбуждено уголовное дело об изнасиловании курицы, и в милицейском документе было написано: "курица кричала нечеловеческим голосом". В одном из районов Владимирской области милиции пришлось долго заниматься спорами, скандалами и драками между мужем и женой. Последовал милицейский документ о том, что "хату и корову разделить пополам". На протяжении последних лет образовательный уровень работников милиции вырос, но и сейчас в милицейских документах иногда встречаются аналогичные анекдотические перлы.

АДВОКАТСКИЕ АНЕКДОТЫ И ИСТОРИИ

Естественно, что у каждого адвоката в памяти много интересных дел, проведенных им, много интересных случаев, встреч, историй. Когда адвокаты встречаются в своем кругу и кто-либо из них начинает рассказывать о деле, которое он ведет, то ему трудно привлечь внимание аудитории. У каждого своих интересных дел полно. Только какое-либо необычное, сверхсенсационное, из ряда вон выходящее дело может вызвать интерес. Но всегда вызывает интерес свежий остроумный анекдот, короткий и острый. А еще лучше, если он имеет отношение к профессиональной деятельности. Приведу несколько таких анекдотов, раскрывающих специфику деятельности советского адвоката и советских судебных нравов.

Посетитель обращается к адвокату: "Я имею право?"

Адвокат отвечает: "Да!" Тогда посетитель говорит: "Вы же не спросили, на что я имею право". Адвокат отвечает: "Вы на все имеете право!" Посетитель продолжает: "А я могу?" Адвокат отвечает: "Нет, вы не можете". Тогда посетитель говорит: "А вы не спросили, что я не могу". Адвокат отвечает: "Вы ничего не можете".

Или другой анекдот. В СССР есть руководящее указание обеспечивать стабильность судебных приговоров. Вышестоящие суды, которые обязаны в кассационном порядке проверять дела, рассмотренные нижестоящими судами, оставляют почти все приговоры в силе, хотя многие из них надо было бы отменить или изменить. Мосгосуд в связи с этим называют Мосгорштамп. Рассказывают, что Коля и Вася учились вместе в юридическом институте, а после Коля стал адвокатом, а Вася членом Мосгорсуда. Через некоторое время они встретились, и адвокат Коля обращается к члену Мосгорсуда Васе: "Что вы делаете? Виноват ли человек или не виноват, — вы все приговоры оставляете в силе!" Член Мосгорсуда Вася отвечает: "Нет, если человек совсем не виноват, мы снижаем меру наказания".

Есть анекдоты, показывающие специфику судебных нравов в некоторых советских республиках. Так, в грузинском суде судья обращается к обвиняемому: "Ваше последнее слово". Обвиняемый говорит: "Пятнадцать тысяч и ни копейки больше".

Помимо анекдотов, среди адвокатов часто рассказываются интересные случаи, связанные с судебной или адвокатской деятельностью. Приведу два примера. В ленинградской тюрьме долго находилась под следствием женщина, которую затем приговорили к смертной казни. Внезапно было обнаружено, что она беременна. А по советским законам на могут быть приговорены к смертной казни женщины, находившиеся в состоянии беременности во время совершения преступления или к моменту вынесения приговора. Когда же и каким образом она забеременела в тюрьме? Выяснилось, что в этом виноват член Ленинградской городской коллегии адвокатов, который ее защищал и посещал в тюрьме "Кресты". Адвокатам предоставляется возможность беседовать со своими подзащитными наедине. Адвокат оказал своей подзащитной реальную по-

мощь. Смертная казнь была отменена. Адвоката же исключили из адвокатуры. Этот случай привлек внимание московских адвокатов и, смеясь, говорили, что следует проверить состав московской городской коллегии адвокатов и, наоборот, исключить тех, кто не может оказать такую реальную помощь.

В рассмотрении уголовных и гражданских дел в судах 1-й инстанции участвуют один судья и два "народных заседателя". Они по закону обладают равными правами. О том, как заседатели понимают свои права, рассказывают такой случай. В Московском городском суде два заседателя, участвующие в рассмотрении уголовного дела, в перерыве между заседаниями обращаются к адвокату, участвующему в этом же деле, с вопросом: "Неужели он будет осужден?" Они не понимают, что вдвоем могут решить дело так, как они считают правильным, независимо от мнения судьи.

СУДЕБНОЕ ДЕЛО, ГДЕ СВИДЕТЕЛЯМИ КАРПОВ, БОТВИННИК И ПЕТРОСЯН

Старший тренер сборной команды СССР по шахматам мастер Никитин обратился ко мне с просьбой вести в суде его дело о восстановлении на работе. Зная, что адвокаты не очень любят вести трудовые дела и что я возьмусь вести дело только если оно чем-либо заинтересует меня, Никитин при первой же беседе заявил, что с должности старшего тренера сборной команды СССР по шахматам приказом по Спорткомитету СССР он уволен по капризу чемпиона мира по шахматам международного гроссмейстера Анатолия Карпова, а свидетелями по делу в пользу Никитина будут два экс-чемпиона мира международные гроссмейстеры Михаил Ботвинник и Тигран Петросян. Я принял поручение и стал заниматься этим делом.

История этого увольнения была такова. В этот год остался на Западе международный гроссмейстер Виктор Корчной. Находившийся на Филиппинах Анатолий Карпов дол-

жен был лететь на Родину через Японию. Шахматные федерации Филиппин и Японии договорились с Анатолием Карповым и организовали в Токио его встречу с Робертом Фишером для предварительных переговоров о матче между ними. Такой матч предств.влял бы несомненный интерес. Об этой встрече Анатолий Карпов не должен советской шахматной федерации и, прилетев в Москву из Токио, отправился во Владимир проводить сеанс одновременной игры в шахматы. О встрече между Робертом Фишером и Анатолием Карповым в Токио сообщила иностранная печать. Заместитель председателя Спорткомитета Союза Роменский, руководящий советскими шахматами, пригласил к себе Анатолия Карпова и сделал ему соответствующие внушения по поводу сокрытия факта встречи и переговоров с Робертом Фишером. После этого Роменский решил, что поскольку в иностранной печати появляется много материалов о советских шахматных гроссмейстерах, то целесообразно иметь обзоры этих материалов для руководства Спорткомитета СССР. Он поручил старшему тренеру сборной команды СССР по шахматам мастеру Никитину организовать подготовку таких обзоров. Никитин через редакцию бюллетеня "64" связался с одним ленинградским журналистом, имевшим доступ к иностранной печати. С ним заключили трудовое соглашение, и руководство Спорткомитета СССР стало получать обзоры иностранной печати с материалами о Викторе Корчном, Анатолии Карпове и других шахматных гроссмейстерах. Через своих людей из бюллетеня "64" об этом узнал Анатолий Карпов. Он явился к председателю Спорткомитета Союза Павлову, устроил скандал и заявил, что "меня, члена ЦК ВЛКСМ, чемпиона мира, поставили в один ряд с перебежчиком Корчным, устраивают за мной слежку, все это сделал Никитин, и я требую его увольнения". Капризы Карпова и его неприятный характер были известны. Павлов поддержал Карпова, но вопрос об увольнении Никитина сразу не был решен. Никитин имел большие заслуги перед сборной командой СССР по шахматам, много помогал ряду гроссмейстеров, в том числе и Анатолию Карпову. Никитин обратился к Карпову с письмом. Письмо было не совсем удачным, с использованием не к месту шахматной терминологии.

Карпов разозлился еще больше. Второй раз явился к Павлову, и тот дал указание своему заместителю Роменскому немедленно уволить Никитина. Никитин был уволен приказом за подписью Роменского. Подготовленный мною иск о восстановлении Никитина на работе должен был рассматриваться в Краснопресненском районном суде Москвы. В юридической консультации этого района Москвы я проработал 21 год, и судей в этом районе знал хорошо. Я выработал за годы адвокатской работы одно правило. Если можно выиграть дело до слушания его в суде, то надо все сделать для этого и обойтись без суда. Для оказания воздействия на Роменского и Спорткомитет я использовал появившееся в то время изменение в советском трудовом законодательстве. Изменение заключалось в том, что при восстановлении на работе стали платить не за 20 дней, а за три месяца вынужденного прогула, и эти суммы подлежали удержанию из зарплаты лица, подписавшего приказ об увольнении. Я подготовил, а судья подписал запрос в Спорткомитет с просьбой сообщить размер заработной платы заместителя председателя Спорткомитета Роменского на случай, если придется удерживать из нее оплату за вынужденный прогул Никитина. Роменский стал тревожиться за свою зарплату, вызвал к себе директора московского шахматного клуба Батуринского, по образованию юриста, и заявил ему, что тот не отправится в качестве главы советской шахматной делегации в Швейцарию, пока не отрегулирует мирно дело Никитина. Батуринскому хотелось поехать в Швейцарию; Роменскому не хотелось платить своих денег из зарплаты. Мне хотелось выиграть дело до его слушания. В результате договорились решить дело миром. Был издан приказ по Спорткомитету о восстановлении Никитина в должности старшего тренера, и по его желанию он был прикреплен для тренировок к надежде советских шахмат — Каспарову, который до смерти отца носил фамилию отца — Вайнштейн. Никитин давно заметил этого молодого шахматиста и мобилизовал весь свой опыт и знания для тренировок того, кто должен вскоре стать чемпионом мира вместо Карпова. Судебного заседания с участием Анатолия Карпова, Михаила Ботвинника и Тиграна Петросяна не состоялось, но дело против Анатолия Карпова было выиг-

рано. Никитин был восстановлен на работе в Спорткомитете в должности старшего тренера, а это было главное.

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА

В 1967 году, вскоре после смерти Ильи Григорьевича Эренбурга, ко мне обратился мой товарищ по юридическому институту известный поэт Борис Слуцкий и передал просьбу наследников Эренбурга — его жены Любви Михайловны Эренбург и его дочери Ирины Эрбург — заняться их сложным наследственным делом. Сложность заключалась во многих обстоятельствах. Эренбург умер внезапно. Завещания не оставил. В состав наследственного имущества, помимо денег, большой дачи в Новом Иерусалиме в Истринском районе Московской области, автомашины, авторских прав на литературные произведения, входила громадная коллекция картин Пикассо, Марке и других выдающихся художников. Не было ни одной картины, которую бы Эренбург купил. Это все были подарки авторов. Когда эта коллекция выставлялась во Франции, то Министерство финансов Франции оценило ее во много миллионов франков. Между наследницами были сложные взаимоотношения. Ирина не являлась дочерью Любви Михайловны. Она родилась в 1907 году в Ницце, и поэтому многие считали, что она родилась от связи Эренбурга с какой-то французенкой. В действительности ее мать была наполовину немка, наполовину русская. В момент рождения Ирины была в другом браке, а в момент смерти Эренбурга мать Ирины жила в Москве. Ирина была литератором и взяла себе псевдоним Эрбург. Любовь Михайловна, по профессии художница, сестра известного кинорежиссера Георгия Козинцева, ко времени смерти Эренбурга сама перенесла тяжелое сердечное заболевание, не могла приезжать ко мне в юридическую консультацию или домой, и с разрешения президиума Московской городской коллегии адвокатов я занимался этим делом в кабинете Эренбурга в его квартире на улице Горького. В этом кабинете мне довелось

провести много часов. Он заслуживает специального описания. На письменном столе находились в особой подставке знаменитые Эренбургские курительные трубки. В кабинете висели портреты Эренбурга работы Пикассо и других известных художников, но главное было на книжных полках. Все они были уставлены книгами с автографами известнейших писателей, политических и культурных деятелей XX века из самых различных стран. Эти люди в своих странах прошли путь от начинающих до классиков литературы или политических лидеров и на протяжении всей жизни дарили свои книги Эренбургу. На полках перед книгами из соответствующей страны лежали предметы искусства или реликвии из этой же страны, которым позавидовал бы любой музей мира. Эренбург объездил ведь весь земной шар, и чего там только не было. Его поклонники из Англии, например, подарили ему подлинную рукопись Петра Первого, и она тоже находилась здесь, в книжном шкафу. В спальне висели портреты Любви Михайловны кисти известнейших русских и французских художников. В столовой можно было увидеть античную скульптуру, найденную при строительстве московского метро и подаренную Эренбургу. Еще больше произведений искусства было на даче в Новом Иерусалиме. Можно было после смерти писателя организовать квартиру-музей, но никто не собирался популяризировать имя этого человека.

В кабинете Эренбурга я услышал много интересного от Любви Михайловны. Она вспоминала встречи с Пикассо. Рассказала об обстоятельствах смерти Эренбурга. Предстоял съезд писателей, и Илья Григорьевич собирался на нем выступить против цензуры на литературные произведения. Чтобы предотвратить это выступление, его послали в дни съезда в Италию вручить Международную Ленинскую премию мира итальянскому скульптору. Его главный недоброжелатель Михаил Шолохов прекрасно знал об этом, но выступил на съезде писателей с демагогической провокационной речью, где говорил, что вот, мол, Илья Эренбург пренебрег съездом и укатил во время съезда к берегам Италии. Эренбург очень расстроился. В связи со всеми этими событиями обострилось его сердечное заболевание, и это привело к внезапной смерти.

После смерти Эренбурга осталось много неопубликованных глав его мемуаров, посвященных хрущевскому периоду, но добиться их опубликования так и не удалось. Осталось много неопубликованных стихов. Хотели получить на Новодевичьем кладбище место по соседству с его могилой, чтобы поставить памятник с изображением Эренбурга по портрету Пикассо, обратились к его "другу" заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР Палецкису. Он обещал, но дождался того, что это место было занято другим захоронением, и тогда сообщил, что место занято.

Моя задача заключалась прежде всего в том, чтобы юридически доказать, что Ирина и Любовь Михайловна являются наследниками Эренбурга. С трудом удалось установить, что когда-то Эренбург для поездки за границу официально удочерил Ирину, и еще больше трудов стоило найти документ об этом. Нужно было найти и юридический документ о том, что Любовь Михайловна — жена Эренбурга. Они вступили в брак в 1919 году в Киеве. Документ удалось найти, но не сразу можно было понять, какая в это время в Киеве была власть, ибо в это бурное время власти на Украине менялись быстро. При внимательном изучении старого документа о браке литератора Ильи Григорьевича Эренбурга и художницы Любви Михайловны Козинцевой мне удалось разглядеть, что круглая печать разделена на три сектора и в них текст на трех языках: на русском, украинском и идиш. Стало ясно, что в это время в Киеве была советская власть. Главная моя забота заключалась в том, чтобы урегулировать отношения между двумя наследницами и не допустить раздела коллекции картин. Они представляли ценность, прежде всего, именно в своей совокупности. Картин было несколько сотен. Удалось убедить наследниц и затем составить от их имени два завещания, по которым каждая из них завещала свою долю коллекции другой. Таким образом, после смерти одной из наследниц целостность коллекции не нарушалась. Было сделано исключение лишь для портретов, на которых изображена Любовь Михайловна. Их она завещала самому близкому для нее человеку, своему брату кинорежиссеру Козинцеву. Но жизнь оказалась коварной. Когда Любовь Ми-

хайловна умерла, а через некоторое время умер и ее брат Козинцев, эти портреты попали к его новой молодой жене, то есть к случайному, а не близкому человеку. Однако основная коллекция картин не была нарушена, и таким образом свою главную задачу я выполнил.

Передо мной в этом наследственном деле стояла и другая задача. Чтобы ее объяснить, надо вернуться к обстоятельствам, возникшим во время Второй мировой войны. В одном белорусском партизанском отряде сражался московский инженер. Однажды отряд обнаружил девочку, которая шла по лесу одна и говорила на какой-то смеси русского, белорусского и идиш. Эту девочку, оказавшуюся еврейкой, инженер увез в Москву. Жена инженера не влюбила девочку. В это время Ирина Эрбург приехала с фронта в Москву, после гибели в боях под Киевом ее мужа писателя Лапина. Ей понравилась эта девочка, она ее полюбила и удочерила. Таким образом, у Эрбурга появилась "внучка". Семья Эрбурга окружила девочку заботой и вниманием, но та отплатила неблагодарностью. Прошли годы. Она стала кандидатом, а позже доктором медицинских наук. Но когда болели сестры Эрбурга, он сам, Любовь Михайловна, она не проявляла к ним никакого внимания. Она вышла замуж за сына известного поэта Степана Щипачева — скромного инженера, хорошего человека. От этого брака родилась дочь — "правнучка" Эрбурга. Вскоре брак был расторгнут. Когда отношения с "внучкой" у Эрбургов испортились, Ирина перенесла свою любовь на "правнучку" Ильи Григорьевича, забрала ее к себе, полюбила ее так, как когда-то любила ее неблагодарную мать. Нужно было подготовить от имени Ирины такое завещание, чтобы все имущество (дача в Новом Иерусалиме, автомашина и т. д.) перешло к "правнучке" и чтобы "внучка" ничего не получила. Для этого я использовал помимо текста завещания существующий в советском праве институт "исполнителя завещания". Это лицо, которое обязано следить за точным исполнением завещания. Исполнителем завещания назначили сына Степана Щипачева — бывшего мужа "внучки" и отца "правнучки". Он согласился на эту роль, о чем сделал запись на подготовленном мною и оформленном Ириной Эрбург в нотариальной

конторе на Трубной улице завещании. Было ясно, что он будет защищать интересы своей дочери, а не своей бывшей жены.

В период, когда были поданы документы в 1-ю Московскую нотариальную контору (ул. Кирова, дом 8) на введение в права наследования на все наследственное имущество Ильи Эренбурга его двух наследниц — жены Любови Михайловны Эренбург-Козинцевой и дочери Ирины Ильиничны Эрбург, мне сообщили, что в эту же нотариальную контору поступило заявление от еще одной претендентки на наследство Ильи Эренбурга. В поступившем из Краснодара заявлении было указано, что обращается дочь Ильи Эренбурга и что документы, подтверждающие родство, будут представлены дополнительно. Я поспешил на квартиру Эренбургов и рассказал о заявлении Любови Михайловне. Она недоумевала. Рассказала, что в Краснодаре когда-то жил двоюродный брат Ильи Эренбурга, но о том, что там есть какая-то дочь писателя, она ничего не знала. Она вспомнила лишь, что в конце войны, когда имя Ильи Григорьевича было особо популярно из-за его военных публицистических статей, печатавшихся во всех газетах, у них в квартире раздался звонок в дверь. На пороге стояла молодая женщина с младенцем и спрашивала Илью Григорьевича. Любовь Михайловна позвала мужа. Когда молодая женщина увидела Илью Эренбурга, то поняла, что ее обманули. Кто-то выдал себя за Эренбурга и стал отцом ее ребенка. Посмотрев на настоящего Эренбурга, молодая женщина ушла.

Прошло шесть месяцев после смерти Ильи Эренбурга, то есть срок, в течение которого претенденты на наследство должны были представить документы в 1-ю Московскую нотариальную контору. Никаких подтверждающих документов из Краснодара не поступило. В семье Эренбургов решили, что первое письмо из Краснодара было проделкой М.А.Шолохова или его друзей. Здесь привыкли все плохое и неприятное связывать с именем именно М.А.Шолохова и близких ему лиц.

ИСК ЛАКШИНА К ГАЗЕТЕ "ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА"

В редакции журнала "Новый мир" при А.Т.Твардовском его мозговым центром был Владимир Яковлевич Лакшин - один из лучших литературных критиков русской литературы, блестящий публицист и историк литературы. При разгроме журнала "Новый мир" Лакшина перевели консультантом в редакцию журнала "Иностранная литература" и перестали печатать. Но этого показалось мало. Решили его публично дискредитировать. Для этого воспользовались подходящим случаем. В Замоскворечье в старой церкви размещался филиал Всесоюзной библиотеки имени Ленина. Там находились списанные книги, и филиалу было разрешено их продавать. Многие научные работники из разных институтов приходили в этот филиал и покупали эти списанные книги для своих организаций. Среди приходящих был В.Я.Лакшин, Рой Александрович Медведев и другие. Заведующая филиалом была обвинена в злоупотреблениях и хищениях и была осуждена Киевским районным судом города Москвы. По этому делу в качестве свидетелей проходили В.Я.Лакшин и Р.А.Медведев. Никакого отношения к злоупотреблениям и хищениям они не имели. Вскоре после осуждения заведующей филиалом в популярной, выходящей большим тиражом газете "Вечерняя Москва" появилась статья под псевдонимом, в которой В.Я.Лакшин и Р.А.Медведев были представлены как лица, воровавшие книги. В.Я.Лакшин пришел ко мне, и мы решили предъявить иск в Бауманском районном суде к редакции газеты "Вечерняя Москва" о защите чести и достоинства В.Я.Лакшина в порядке статьи 7 Гражданского кодекса РСФСР. Мы понимали, что суд не вынесет решения, направленного против газеты, которая является органом Московского городского комитета КПСС. Однако Лакшин хотел пригласить на судебное заседание всю старую редакцию журнала "Новый мир" и авторский актив для того, чтобы перед всеми показать, что его гнусно оклеветали и что он эту клевету не оставляет без внимания. Для подготовки к судебному процессу Лакшин несколько раз приходил ко мне домой. Мы вели с ним дол-

гие разговоры, тщательно готовились к слушанию дела в суде. В этих беседах с Лакшиным я заметил, что у него весьма своеобразная лексика. Он употреблял в разговоре много русских слов, которые сейчас не употребляются, но все они у него были к месту, звучали современно и придавали его речи исключительную красочность.

В день слушания дела в Москве в небольшом судебном зале на улице Чернышевского (быв. Покровка) собрались товарищи В.Я.Лакшина по редакции журнала "Новый мир", пришли писатели Вениамин Каверин, Федор Абрамов, летчик-испытатель Галай, работники издательства, журналисты. За судьейским столом — судья, имеющая внешний вид малограмотного человека с весьма ограниченным уровнем развития. Редакция газеты "Вечерняя Москва" не раскрыла псевдоним автора, и газету представлял заместитель главного редактора. Первым как истец выступил сам В.Я.Лакшин. Он говорил хорошо, даже изысканно, но перед этим судом, решение которого было predeterminedено, его речь была метаньем бисера перед свиньями. С неуклюжими возражениями выступил заместитель главного редактора газеты "Вечерняя Москва". Был объявлен перерыв, и чувствовалось, что присутствующие пока не удовлетворены ходом дела. После перерыва выступил я в поддержку иска Лакшина. Говорить в защиту кого-либо всегда легче, чем защищаться самому. Я понял, что говорить надо резче и прямее. Вначале я сослался на законы о защите чести и достоинства, дал подробный юридический анализ приговора Киевского районного народного суда по делу о филиале библиотеки имени Ленина, показал полную непричастность к этому делу Лакшина и в заключение в митинговом стиле обрушился на клеветническую лживую статью в газете "Вечерняя Москва". Публика была довольна. После окончания дела Вениамин Каверин и другие поздравили меня с удачным выступлением. Но главное было в том, что Лакшин был полностью удовлетворен, перед его товарищами публично была опровергнута клевета, которая по чьей-то злой воле распространялась печатно в издании, имеющим большой тираж. Заместитель главного редактора "Вечерней Москвы" ушел из зала суда с позором, ибо он видел, что перед всеми присутствующими была разоблаче-

на газетная ложь. Честь и достоинство Лакшина были защищены, хотя суд и вынес безмотивное казенное решение в пользу газеты.

СУДЕБНЫЕ ДЕЛА О РАЗВОДАХ И РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА

По советским законам расторжение брака по взаимному согласию супругов, не имеющих несовершеннолетних детей, производится без суда — в государственных органах, где регистрируют браки и разводы. Но если нет согласия одного из супругов на развод, если есть несовершеннолетние дети или если есть спор о разделе совместно нажитого имущества супругов, то дело рассматривается в суде. Таких дел в советских судах бесчисленное множество, так как более одной трети всех браков расторгается. Многие из этих дел рассматриваются быстро и без участия адвокатов. Основные причины разводов — пьянство мужа, супружеская неверность. Однако много и таких дел, которые представляют значительную сложность, и адвокаты сражаются по этим делам с обеих сторон. Часто одна сторона стремится быстро получить развод, а другая препятствует этому. Закон позволяет суду принимать меры к примирению сторон и откладывать разбирательство дела о разводе на срок до 6 месяцев для примирения супругов. Подчас сторона, которая возражает против развода, понимает, что брачные отношения восстановить нельзя будет, и стремится затянуть развод лишь для того, чтобы досадить супругу, лишить его возможности оформить новый брак. В этих случаях в суде можно услышать ложные уверения в любви, в том, что другая сторона подала на развод из-за случайных несерьезных причин и что семья может и должна быть восстановлена ради общих детей, хотя говорящий или говорящая не верят в то, что говорят.

Наиболее сложными делами о разводе являются те, где спор идет о разделе совместно нажитого имущества. Обычно речь идет о разделе кооперативной квартиры или дачи,

автомшины, мебели, драгоценностей, различного домашнего имущества. Отношения между сторонами бывают такими обостренными, что еще до рассмотрения дела в суде часть общего имущества одна из сторон вывозит в неизвестном направлении и утаивает.

Для решения вопроса о разделе имущества перед судом стоит сложная задача определить, какое имущество было у супругов при их совместной жизни, что подлежит разделу, когда многое уже скрыто одной, а то и обеими сторонами. Это можно установить лишь путем кропотливого и долгого допроса в суде большого числа свидетелей. Эти дела бесконечно тянутся, откладываются. При любом судебном решении одна из сторон, будучи недовольна решением, подает жалобу в кассационный суд. Иногда решение отменяется, и начинается новое рассмотрение с допросом еще большего числа свидетелей. Я часто участвовал в рассмотрении подобных дел, но всегда стремился выработать мировое соглашение между сторонами, что избавляло от допроса свидетелей и последующих обжалований. Мировые соглашения по подобным делам любили и судьи, ибо это избавляло их от большой и подчас никчемной траты времени. Однако между сторонами были обычно такие напряженные, подчас враждебные отношения, что выработать приемлемое для обеих сторон мировое соглашение бывало чрезвычайно трудно. У меня возник метод подготовки мировых соглашений, и не раз судьи шутя предлагали мне запатентовать его. Суть этого метода я покажу на примере одного дела о расторжении брака и разделе имущества супругов. Я представлял интересы жены, с которой оставалась 10-летняя дочь. Муж и жена являлись преподавателями Московского физико-технического института. В раздел входили автомашина, кооперативный гараж, мебель, золотые украшения, бриллианты, деньги и другое имущество. Между сторонами были явно враждебные отношения. Муж хотел получить прежде всего автомашину и гараж. Жена хотела получить за это большую денежную компенсацию. Муж ненавидел ее и не хотел ей выплачивать ни одной копейки. Его интересы представлял известный московский адвокат. Я предложил сторонам встретиться в суде перед судебным заседанием для подготовки мирового соглаше-

ния. На этой встрече у меня с мужем моей клиентки произошёл такой разговор.

— Вы хотите получить машину и гараж?

— Да!

— Вы хотите заплатить моей клиентке денежную компенсацию в такой-то сумме?

— Нет!

— Я вам предлагаю мировое соглашение, по которому вы получите автомашину и гараж и вовсе не будете платить моей клиентке денежную компенсацию.

— Как же так?

— Очень просто. Вы любите свою дочь?

— Да, конечно.

— Денежную компенсацию, которую вас просит заплатить моя клиентка, вы ей платить не будете, а внесете эту сумму в сберегательную кассу на текущий счет, который будет открыт на имя вашей дочери, и ваша дочь сможет ею воспользоваться по достижении совершеннолетия. Моя клиентка на этот вариант согласна.

— Я должен посоветоваться со своим адвокатом и со своей матерью, которые находятся здесь, в здании суда.

Адвокат посоветовал принять предложенное мною мировое соглашение. Мать мужа, которая ненавидела невестку, но очень любила свою внучку, быстро одобрила соглашение. Соглашение было вскоре мною написано и подписано сторонами. Это соглашение должен был утвердить суд. Когда я с текстом мирового соглашения зашел в кабинет судьи, он был потрясен. Он рассказал, что эти супруги уже год ходят к нему чуть ли не каждый день, обвиняют друг друга во всех смертных грехах, и он не представлял себе, как их можно было помирить. Он тут же предложил, смеясь, запатентовать этот метод выработки мировых соглашений. Я же этот метод применял по большому числу дел о расторжении брака и разделе имущества, где обстоятельства были для этого подходящими. Случаев этой категории в судах рассматривается так много, что и дел с подходящими обстоятельствами, в которых я участвовал, было тоже достаточно.

СУДЕБНЫЕ СПОРЫ О ДЕТЯХ

В подсоветской России расторгается более одной трети всех зарегистрированных браков. Поскольку в семье может быть несколько детей, и обычно они остаются с матерью, то статистика говорит, что более половины детей воспитываются без отцов. Однако отец имеет право претендовать на то, чтобы ребенок остался с ним. В статье 55 Кодекса о браке и семье РСФСР говорится: "Если родители вследствие расторжения брака или по другим причинам не проживают совместно, то от их согласия зависит, при ком должны проживать несовершеннолетние дети. При отсутствии согласия между родителями спор разрешается судом, исходя из интересов детей". Мне довелось участвовать в большом числе судебных споров о детях. Иногда эти дела бывают очень напряженными, сложными. Между родителями ведется подчас настоящая война по всем правилам военного искусства по поводу того, у кого из них останется ребенок.

Вспоминается дело, когда шла речь о мальчишке 12 лет. Я представлял интересы его отца — молодого хирурга, профессора одного из московских медицинских институтов. Он прославился тем, что открыл способ останавливать кровотечение из печени, запатентовал этот способ в ФРГ и других странах. Его бывшая жена, мать этого мальчишки, работала в том же медицинском институте, была кандидатом медицинских наук. Во время судебного процесса в борьбу были включены самые различные инстанции. У отца были плохие отношения с ректором медицинского института. Этим воспользовалась мать, и на ее стороне выступили представители института. Больше того, при посредстве ректора института на стороне матери выступили представители Министерства здравоохранения и Министерства просвещения. Однако мальчик был больше привязан к отцу и хотел жить с отцом. Отец проводил с ним очень много времени, путешествовал во время отпусков с ним по Кавказу и Крыму, брал с собой на охоту. По этим делам суд поручает органам образования провести обследование, опросить ребенка, если ему более 10 лет, и дать свое заключение. Сам суд тоже опрашивает ребенка во внесудебной обста-

новке. Мальчик твердо заявил, что хочет жить с отцом. Это дело рассматривалось в суде Ленинского района Москвы несколько раз, ибо кассационный суд дважды отменял решения суда 1-й инстанции. Своеобразие этих дел в том, что решения по ним не подлежат принудительному исполнению. Судебный исполнитель может изъять у одной стороны какой-либо предмет и передать его другой стороне, но не ребенка. Ребенок, если он не хочет жить с матерью, все равно убежит к отцу. Поэтому суд вынужден серьезно считаться с тем, у кого ребенок реально живет к моменту суда и с кем он хочет жить. В данном случае ребенок жил и хотел жить с отцом.

В другом судебном споре о детях речь шла о двух детях, и страсти по этому делу достигли высочайшего накала, ибо и мать и отец были испанцами. Ко мне обратился член Политбюро испанской коммунистической партии. Он рассказал, что его проживающий в Москве сын оформил развод с женой, и просил меня вести их судебный спор о детях. Мать детей, молодая испанка, которую звали Сильва-Кармен, вцепилась в детей мертвой хваткой и совсем не допускала к ним отца. Свидетелем при рассмотрении дела в суде выступал внук Долорес Ибаррури (Пассионарии). В суде часто накаляются страсти, но такого накала, до какого довели его испанцы, я до этого не наблюдал никогда. Возникали предложения разделить детей между родителями, но такие предложения были тотчас отвергнуты. Суд обязан решить дело в интересах детей. Дети же были привязаны друг к другу, и разлучать их поэтому нельзя было никак. Пусть будут у любого из родителей, но вместе.

Были случаи, когда эту статью 55 Кодекса о браке и семье, посвященную судебным спорам о детях, удавалось использовать в интересах тех, кто не мог никак добиться разрешения на выезд из СССР в Израиль. Ко мне обратилась известная пианистка-еврейка, лауреат трех международных конкурсов (первые премии в Вене, Париже и Рио-де-Жанейро). Она хотела уехать из СССР в Израиль вместе с родителями и своим 12-летним сыном, но бывший муж, отец этого ребенка, не давал разрешения на выезд сына, а без его разрешения советские власти и не думали выпускать известную пианистку. Тогда по моей рекомендации

она обратилась с письмом к одному из руководителей Министерства внутренних дел СССР. В этом письме был поставлен вопрос в чисто юридическом плане. В нем указывалось, что сама пианистка для выезда в разрешении бывшего мужа не нуждается, могла бы уехать без его согласия, но что он препятствует выезду несовершеннолетнего сына. С кем сын останется в СССР? С ним? Тогда пусть предъявляет судебный иск в порядке статьи 55 Кодекса о браке и семье РСФСР о передаче ему сына. Такого иска я не боялся и убедил в этом мать. Мальчик жил с матерью и твердо хотел жить с ней. Отцу он вовсе не был нужен. Отец возражал против выезда сына только потому, что сам был известным музыкантом в солидном оркестре, выезжал с оркестром на гастроли за границу и боялся, что выезд сына испортит его анкетные сведения, и его не будут пускать за границу или, как говорят в СССР, он перестанет быть "выездным". После нашего письма Министерство внутренних дел предложило ему предъявить иск в суд о передаче ему ребенка. Он заявил, что иск предъявит, но не предъявлял, а пока уехал с оркестром на гастроли в Австрию. Пришлось нам снова обратиться с письмом в Министерство внутренних дел с просьбой установить для отца срок обращения в суд. Такой срок был установлен. Было сказано, что если в такой-то понедельник моя клиентка не получит повестку в суд, то ей дадут визу на выезд в Израиль. Наступил этот срок, отец ребенка не подал в суд, ей выдали визу на выезд в Израиль, и она сейчас уже ряд лет с большим успехом гастролирует по всему свободному миру. Все это было не так просто. Пришлось провести большую борьбу за получение ею визы. Были и потери в этой борьбе. В период этой борьбы умерла ее мать. Но для меня, как юриста и адвоката, было интересно это дело тем, что в борьбе за выезд, в условиях беззакония и несправедливости, удалось все же использовать чисто юридические основания, в данном случае советское законодательство по судебным спорам о детях, то есть законодательство о том, при ком из родителей должны проживать несовершеннолетние дети при раздельном жительстве родителей.

СПОРЫ ОБ ОТЦОВСТВЕ

В прошлом в подсоветской России женщина, родившая ребенка, могла предъявить иск о признании отцовства и, следовательно, о взыскании средств на содержание ребенка к любому мужчине. Иногда женщина предъявляла иск не к действительному отцу, а к тому мужчине, у кого был более высокий заработок, чтобы больше денег получать на содержание ребенка. Часто ответчик по такому делу заявлял, что он не отец, а отец другой. И подчас по одному делу перед судом сидело сразу несколько ответчиков — предполагаемых отцов. Суд должен был установить, кто же из них отец. При помощи свидетелей суд пытался выяснить, кто же из них был в близких отношениях с истицей в период зачатия ребенка. Выяснение этих обстоятельств приводило к анекдотическим пререканиям в суде. Например, допрашивают старуху об этих обстоятельствах. Судья задает повторные уточняющие вопросы. Старуха отвечает: "Что я, их за ноги держала?"

В 1944 году отменили право предъявлять иски о признании отцовства. Стали признаваться лишь зарегистрированный брак и родившиеся в нем дети. Когда в конце 60-х годов снова ввели право предъявлять иски о признании отцовства, то для того, чтобы перед судом не сидело сразу несколько ответчиков, чтобы не было произвольных исков и анекдотических выяснений, установили ограничение. Теперь суд может установить отцовство лишь при наличии одного из трех следующих обстоятельств: совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка или совместное воспитание либо содержание ими ребенка или доказательств, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства. Это новое законодательство породило своеобразные и интересные дела об установлении отцовства. На основе этого законодательства мне удалось провести дело об установлении отцовства, по которому суд признал Людмилу Николаевну Геле дочерью великого русского певца Федора Ивановича Шаляпина. Это дело заслуживает специального изложения, и о нем я расскажу от-

дельно. Новое законодательство дало мне возможность помочь и известной певице, солистке московского Большого театра Народной артистке РСФСР Веронике Борисенко. Она не была в браке с полковником, от которого у нее родился сын. Полковник не расторгал брак со своей первой женой, с которой он не жил, из-за ее тяжелой болезни. Сына, родившегося у Борисенко, по действовавшему тогда закону полковник не мог усыновить. Полковник умер. Его сыну полагалась бы солидная военная пенсия, но для этого нужно было бы, чтобы суд признал этого ребенка сыном полковника. Борисенко обратилась ко мне. Я стал тщательно готовиться к проведению этого дела в суде. Мне удалось провести его по доверенности Вероники Борисенко без ее участия и даже без вызова каких-либо свидетелей. При подготовке дела я поехал в отдел регистрации актов гражданского состояния Свердловского района г. Москвы и установил, что регистрацию рождения сына осуществлял сам полковник. Он не мог по действовавшим тогда законам записать себя отцом, ибо признавался только зарегистрированный брак. Но в книге регистрации была графа: "С чьих слов сделана запись?" В ней была указана фамилия полковника и добавлено: "назвавшийся отцом". Я взял копию этого документа, и тем самым у меня в руках оказалось доказательство, с достоверностью подтверждающее признание ответчиком отцовства. На этом основании суд признал полковника отцом, и сын Борисенко стал получать весьма приличную военную пенсию за отца.

Но бывают и другие споры об отцовстве, когда отец оспаривает свое отцовство, просит аннулировать государственную запись о том, что он отец ребенка. Как-то ко мне обратился молодой человек, звали его Игорь. Он был в браке. За два года до прихода ко мне он поссорился со своей женой, и они стали жить раздельно. Она в своей генеральской семье, со своими родителями. Он со своими родителями. Два года они, как он утверждал, не видали друг друга. У него долго не находилось времени для оформления развода. По прошествии двух лет он решил оформить развод. Позвонил ей на работу. Ему сказали, что она в отпуске, так как недавно родила сына. Его удивлению не было границ. Он поехал к ней домой, и его жена и ее родные ста-

ли утверждать, что это его ребенок. Более того, они зарегистрировали в ЗАГСе Игоря отцом ребенка. По его просьбе я предъявил судебный иск о расторжении брака и об аннулировании записи отцовства. При первой встрече в суде жена плакала, обвиняла Игоря в том, что он отказывается от своего ребенка, утверждала, что они периодически встречались на протяжении этих двух лет и ребенок точная его копия, похож на него как две капли воды. Я возбудил ходатайство о назначении экспертизы крови. Для проведения экспертизы надо было взять кровь у ребенка, у матери и у Игоря. Мать ребенка стала уклоняться от явки на взятие крови у нее и ребенка. Потребовалось много усилий, чтобы выгащить ее на экспертизу. Экспертиза крови дала категорическое заключение, что Игорь не отец ребенка. Мать ребенка после этого не осмеливалась являться в суд. Вместо нее по ее доверенности выступали сестра и адвокатесса, представлявшая ее интересы. У них после проведенной экспертизы не было и не могло быть никакой правовой позиции. Из их уст можно было услышать лишь жалкий лепет. В результате суд аннулировал запись Игоря отцом ребенка.

Таковы споры об отцовстве — сложная и интересная категория гражданских дел, по которым мне часто доводилось выступать.

СУДЕБНЫЕ ИСКИ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

В подсоветской России изобретатели очень часто вынуждены обращаться с судебными исками к министерствам и ведомствам, которые отказывают им в выплате причитающегося авторского вознаграждения за изобретения. Адвокаты обычно отказываются вести эти дела, ибо они сложные, многократно откладываются, связаны с проведением технико-экономической экспертизы, долго тянутся, и большинство советских адвокатов к тому же не знают специальных вопросов изобретательского права и поэтому не хотят заниматься этими канительными делами. С самого

начала работы в адвокатуре я стал вести их, и у меня сложилась обширная практика по этой категории. Я стал одним из 2—3 адвокатов в Москве, которые ведут эти дела. Они очень интересны. Почти по каждому из них я, с одной стороны, восхищался человеческой изобретательностью, творческим техническим талантом моих клиентов, приносящих пользу техническому прогрессу, а с другой стороны негодовал по поводу того, что министерские чиновники безмотивно отказывали им в выплате законного авторского вознаграждения, изображая из себя людей, стремящихся не расходовать якобы зря денежные средства.

В этом смысле очень характерным и интересным было дело Красова. Красов, молодой физик, окончивший один из сибирских вузов, работал в Якутии на разработках якутских алмазов. Он вместе с электромонтером, бывшим заключенным, изобрел современный автомат для извлечения алмазов из породы. Раньше в Африке негров сажали за специальные столы, и они извлекали алмазы из породы вручную. Это был тяжелый и непроизводительный труд. В Якутии, до изобретения Красова, порода двигалась на конвейерной ленте, освещалась ультрафиолетовыми лучами, и сидевшие около движущейся ленты операторы вручную или пинцетами извлекали алмазы из породы. Труд оставался тяжелым и непроизводительным. Автомат Красова давал высокую производительность и обеспечивал извлечение 98 процентов алмазов из породы. Можно было пропустить породу через автомат еще раз и добиться полного извлечения алмазов. Автоматы изготовили, выставили образец в Москве на выставке, стали применять в Якутии, выплатили изобретателям авторское вознаграждение за первый год использования. А когда в последующие годы объем использования автоматов увеличился и следовало заплатить изобретателям значительно большие суммы, то платить отказались. Сослались на то, что якобы первоначально был неправильно исчислен экономический эффект от применения автоматов и завышена сумма вознаграждения. Красов прилетел из Якутии ко мне в Москву и попросил предъявить иск Министерству геологии, которое было обязано выплатить вознаграждение. Его соавтор к этому времени умер. Он не был в зарегистрированном браке, но

у него была наследница — пятилетняя дочь, которую он при жизни признал своей. Мать этой девочке как законный представитель этой малолетней и Красов дали мне доверенности на ведение дела в их отсутствие. Дело было назначено к слушанию в Краснопресненском районном суде Москвы. На первом заседании суда представитель Министерства геологии заявил, что просит отложить рассмотрение дела на месяц, так как член коллегии Министерства, ведающий этими вопросами, хочет ознакомиться с документами, и, возможно, они добровольно выплатят вознаграждение. Я согласился на отложение. Через месяц они отказались выплачивать, вновь сославшись на то, что неправильно исчислен экономический эффект. Этот отказ был вопиющим безобразием. Подсоветская Россия в эти годы заключила соглашение с тремя африканскими странами — Мали, Гвинеей и Ганой о технической помощи в разработке алмазов. В Африку послали автоматы Красова и его самого, чтобы он там наладил их работу, а на родине не платили ему вознаграждения, на которое он имел полное право. Я настоял на проведении технико-экономической экспертизы и на ускорении рассмотрения дела. Суд удовлетворил иск Красова и его соавтора полностью, с Министерства геологии были взысканы десятки тысяч рублей авторского вознаграждения, отдельно расходы на экспертизу и отдельно расходы за приглашение адвоката. Решение состоялось летом. В сентябре я уехал в отпуск. А в октябре того же года общество "Знание" направило меня читать лекцию для коллектива Министерства геологии. На лекции среди других чиновников присутствовал тот член коллегии министерства, то есть видный чиновник, который отказался добровольно выплатить вознаграждение и из-за которого министерство вынуждено было потерпеть убытки — заплатить не только авторское вознаграждение изобретателю, но и расходы по оплате экспертизы, расходы по оплате участия адвоката, расходы по оплате государственной пошлины. В своей лекции я рассказал об этом случае подробно, начав рассказ с того, как когда-то негры извлекали алмазы из породы. Спустя несколько дней в общество "Знание" из Министерства геологии СССР поступил отрицательный отзыв на мою лекцию, и в нем говори-

лось, что лекция была перегружена примерами. В действительности в лекции был приведен лишь один этот пример, но он больно уколол видного чиновника, и был сострепан отрицательный отзыв о моей лекции. Я дождался конференции общества "Знание" и выступил там о том, что иногда получаешь удовлетворение от положительных отзывов на свои лекции, а иногда и от отрицательных отзывов, опять рассказал о всем деле Красова, начиная с негров. Поведение работников Министерства геологии СССР было на конференции осуждено, и после этого я провел еще много изобретательских дел по искам к Министерству геологии, и представители министерства относились ко мне после этого с настороженностью и опаской.

Вспоминается изобретательское дело по иску к Министерству электронной промышленности. В подсоветской России изготавливаются миллионы электронных приборов, начиная от телевизионных кинескопов и кончая сложными приборами для военных нужд. Все эти приборы испытываются на вибрацию. Для этого они плотно закрепляются на специальном стенде, стенд вибрирует сутки, а потом проверяют, сохранил ли прибор все свои качества после суточной тряски. Кинескопы для обычных телевизоров испытывают на вибрацию — один из тысячи. А приборы, идущие на военные нужды, испытывают все 100 процентов. Электронные приборы имеют различную форму, и для того, чтобы их закрепить на испытательном стенде прочно, для каждого вида приборов проектировали, изготавливали и ремонтировали специальный вид закрепляющей оснастки. Два инженера изобрели способ, по которому не нужно проектировать, изготавливать и ремонтировать оснастку. Оснастка вообще не нужна. Они нашли специальный вид замазки, которая блином кладется на испытательный стенд, и в ней плотно закрепляется прибор. Замазка может использоваться бесчисленное количество раз. Изобретение было реализовано. Учитывая число электронных приборов, подлежащих испытанию на вибрацию, авторам следовало выплатить весьма крупное вознаграждение. Министерство платить отказалось под надуманным предлогом. Имело значение и то, что оба автора изобретения были евреями. Я от их

имени предъявил иск к Министерству электронной промышленности в Пролетарском районном суде Москвы. Дело должен был рассматривать судья Абельдяев. Незадолго до этого этот человек работал партерным акробатом в Москонцерте, и по каким-то причинам партократия решила сделать из него судью. Он с акробатической ловкостью пытался затянуть рассмотрение дела и отклонить наш иск, но ничего из этого у него не получилось, выводы экспертизы были в нашу пользу, и наш иск в конце концов был удовлетворен.

Истцами по изобретательским делам не всегда были инженеры или научные работники, иногда изобретателями были рядовые техники или рабочие-самоучки. Одним из таких изобретателей был механик ателье Совета Министров Есаков. По его искам я провел несколько дел. Он изобрел машину для декатировки тканей, то есть для их обработки, предупреждающей их усадку, машину для изготовления фетровых шляп. Ему, как и другим изобретателям, не платили причитающегося вознаграждения, и мне неоднократно приходилось в судебном порядке принудительно взыскивать в его пользу авторское вознаграждение за его изобретения. Его изобретательность и техническая смекалка не знали границ. Он был любитель-рыболов и изобрел такую удочку, при помощи которой пойманная рыба сама себя вытаскивала из воды. Суть этого изобретения заключалась в следующем. Рыба, пойманная на крючок, начинает дергаться, пытается освободиться от крючка и сильно дергает крючок и леску. Есаков изобрел прибор, который при помощи особых пружин и противовесов преобразует эти подергивания в силу, вытаскивающую рыбу из воды. Такие удочки можно закрепить на берегу, и за ними не надо следить, рыба сама себя вытащит из воды. Советское правительство не заинтересовано в расширении индивидуального рыболовства. Поэтому это изобретение Есакова постарались скрыть от советского населения. Запатентовали его в США, Канаде, Японии и многих других странах. В СССР стали изготавливать удочки с прибором Есакова для продажи только за границу по баснословно большой цене и одновременно предлагали иностранным государствам покупать лицензии тоже по большим ценам на изго-

товление приборов Есакова в других странах. Есаков сам изготовил несколько таких удочек, и, поскольку он работал в ателье Совета Министров, то вместе со своими высокопоставленными знакомыми из Совета Министров на заповедных водохранилищах устанавливал свои удочки, и, по его рассказам, лещи сами вытаскивали себя из воды на берег.

Удивительное пренебрежение к изобретателям и нежелание платить им полагающееся вознаграждение проявлялись даже в отказе платить тем, кто причастен к самым совершенным видам технического прогресса, например, к современной космической технике. Ко мне обратились два профессора (доктора технических наук, крупные ученые), которые изобрели новые виды фотообъективов, позволяющие с космических кораблей производить очень точную фотосъемку земных объектов. Советская печать неоднократно сообщала, что это фотографирование дало большой экономический эффект (обнаружение косяков рыбы в море, определение состояния посевов, месторождений полезных ископаемых, места лесных пожаров и т. д. и т. п.). Изобретение моих клиентов было установлено на фотоаппаратах, смонтированных на космических кораблях "Салют". Им не заплатили причитающегося вознаграждения, ибо против них был настроен ректор института, где впервые были изготовлены эти фотообъективы, а именно этот институт был обязан произвести выплату. Пришлось предъявлять мне иск во Фрунзенский районный суд города Москвы, вести долгую судебную борьбу, ходатайствовать о проведении технической экспертизы, много спорить в суде. Борьба была интересной. В суде фигурировала кассета с пленкой, отснятой в космосе космонавтом Владиславом Николаевичем Волковым. Волков В.Н. погиб при завершении этого полета 30 июня 1971 года, но кассета вернулась на Землю. Я впервые держал в руках предмет, побывавший в космосе. В конце концов наш иск был удовлетворен, и двое ученых, внесших вклад в современный технический прогресс, получили судебное решение о выплате вознаграждения, которое они должны были получить в беспорядном порядке, без всяких судов, без траты нервов и времени.

Были и интересные изобретательские дела, по кото-

рым шла речь не о взыскании невыплаченного авторского вознаграждения, а когда шел спор об авторстве. Авторское свидетельство на изобретение было выдано Комитетом по делам изобретений одному или нескольким лицам, а совсем другое лицо доказывало, что действительным автором является оно. Такой спор подлежал рассмотрению тоже в суде, и мне довелось участвовать во многих таких спорах. Но об авторских спорах, спорах о плагиате, особый разговор.

СОБАКИ И СВОБОДНЫЙ МИР

Ко мне обращались за юридическими консультациями сотни людей, желавших выехать в Израиль и другие страны свободного мира. За многие годы я помог выехать из подсоветской России тысячам людей. Много раз приходила жена одного известного, ныне покойного дирижера Большого театра. Она не могла выехать, так как ее мать предъявляла к ней солидные материальные претензии. Сложная ситуация была и у ее дочери, и дело дочери я проводил в суде. Однажды жена дирижера пришла ко мне по другому поводу. Ее сын — скрипач с женой выехали в США, устроились там, но переживали по поводу того, что, уезжая из СССР, не смогли взять с собой свою любимую собаку. Моя клиентка обратилась в "Аэрофлот" с просьбой отправить собаку в США, и там состоялся такой разговор:

— Мы можем отправить собаку в США, но нужен сопровождающий.

— Я согласна сопровождать собаку в США.

— Собака может лететь без визы, а вам нужна виза.

Моя клиентка была расстроена и пришла ко мне за советом. Я знал, что рейсы из Москвы в США по очереди совершают самолеты "Аэрофлота" и американской компании "Пан-Америкэн", и выразил уверенность, что американская компания согласится на отправку собаки без сопровождающего. Так оно и получилось. Договорились с американцами, они взяли за это 500 рублей, и собака в комфортных условиях, с выгулом на промежуточных

стоянках, с надлежащим питанием была доставлена в США, где ее с радостью встретили хозяева. В это время много собак улетало из Шереметьева вместе со своими хозяевами. Для перевозки собак по воздуху нужны были клетки, и такие, чтобы собака при полете не получила травм. Другой мой клиент, по профессии скульптор-реставратор, специализировался на изготовлении этих клеток для собак. Он так отшлифовал каждую деревянную планочку, из которых была сделана клетка, что при любом толчке собака не могла получить повреждения. Он брал за клетку по 100 рублей. Сейчас он живет в Париже. Перед выездом ему нужно было расплатиться за пять детей от пяти жен. Одни клетки для собак не помогли бы. На его счастье в одном из областных центров Дальнего Востока пришел в негодность бронзовый памятник Владимиру Ильичу Ленину, его надо было срочно реставрировать. Это была сложная и очень тяжелая работа. С моим клиентом заключили договор. Но когда реставрация была закончена и надо было выплатить солидную сумму, то заплатили значительно меньше. Я предъявил иск, взыскали сумму по договору, и мой клиент расплатился со своими женами. Помогли и доходы от клеток для собак. Тем временем советские компетентные органы, как там любят говорить, убедились, что слишком много породистых собак покидают страну. Появился запрет на вывоз породистых собак. Что же делать? Но и тут выход нашелся. Через некоторое время после этого в Шереметьево появилась женщина-ветеринар, которая за небольшое вознаграждение на клетке с борзой писала "беспородная", и породистая собака улетала в свободный мир.

БРИЛЛИАНТЫ И ПОЖАР В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГОСТИНИЦЕ "АСТОРИЯ"

В 70-х годах ко мне пришел необычный еврей. Он являлся директором одного из небольших московских заводов и проработал в этой должности к тому времени уже около 25 лет. Это было в те годы большой редкостью. Его

жена Светлана Михайловна была известным искусствоведом. Пришел он ко мне вскоре после ее трагической гибели и попросил меня вести в суде довольно необычное дело. Об обстоятельствах гибели жены он рассказал подробно. В Москве готовилась Всесоюзная художественная выставка. Часть картин, привезенных на эту выставку из Ленинграда, высокому партийному руководству не понравилась, и нужно было в Ленинграде срочно отобрать другие. Заведующий отделом культуры ЦК КПСС Шауро позвонил Светлане Михайловне домой и велел срочно выехать с этой целью в Ленинград. Поехав в Ленинград, она целыми днями занималась отбором картин и довольно поздно приходила ночевать в гостиницу "Астория", в одну из лучших ленинградских гостиниц. В этот трагический для нее день она пришла очень поздно и легла спать. В соседнем номере остановился английский турист, владелец бара. Почти все дни он проводил в баре гостиницы "Астория", много пил. Возвратившись в свой номер, англичанин лег в постель и решил закурить. Будучи пьян, он бросил непогашенную спичку, как потом установила экспертиза, на синтетический ковер. Ковер начал тлеть, и тлел всю ночь, а англичанин спал. Утром владелец бара проснулся от удушающего смрада. Полуодетый, выскочил из номера и оставил открытой дверь. Возник сквозняк, и вспыхнул большой пожар. Быстро загорелись соседние номера. В результате сгорела финская туристка, получили тяжелые ожоги другие иностранные туристы. В номере, где остановилась Светлана Михайловна, тоже возник большой пожар. Ей пришлось выбираться из номера через большую полосу огня, она сильно обгорела. Промучилась несколько месяцев в ленинградской больнице и от обширных ожогов умерла. За несколько месяцев до пожара в гостинице "Астория" во время авиационной катастрофы сгорела ее подруга — жена писателя, Героя Союзов Союза Гофмана, одного из привилегированных "дрессированных" евреев. Светлана Михайловна переживала гибель подруги и рассказывала еще до событий в "Астории", что жена Гофмана ей несколько раз снилась и звала ее в огонь. После пожара в гостинице "Астория" в газетах США и Европы появилось много статей, что в СССР не могут обеспечить безопасность туристов, что в лучшей ленинград-

ской гостинице погибли от пожара люди. Л.И.Брежнев дал указание обвинить во всем английского туриста, хотя в ходе следствия было установлено, что значительная доля вины падала на администрацию гостиницы, что не были обеспечены многие элементарные меры пожарной безопасности. Англичанина осудили на несколько лет лишения свободы и освободили, как это обычно бывает с иностранцами, когда в Москву приехал с официальным визитом один из министров английского правительства.

Во время пожара в гостинице на Светлане Михайловне были очень дорогие бриллиантовые украшения — серьги и кольца. Пришедший ко мне муж покойной просил предъявить иск к гостинице "Астория" о взыскании стоимости этих бриллиантов, а также расходов, связанных с лечением и усиленным питанием Светланы Михайловны, и стоимости сгоревшей одежды.

За годы адвокатской деятельности я привык ко всяким искам. Но в данном случае я не мог понять, откуда у человека, трагически потерявшего близкого, берутся душевные силы снова теревить все происшедшее для получения какой-то денежной компенсации. Я не смел указать ему на этот аспект дела, тем более, что, как мне казалось, он действительно любил покойную жену и тяжело переживал случившееся. Я понимал действия их дочери, которая готовила к опубликованию незавершенную искусствоведческую книгу покойной. Это было уважение к памяти погибшей. Но при гибели человека отыскивать стоимость его бриллиантов — это было для меня делом непонятным и ненужным. Об этом я ему, естественно, ничего не сказал, но обратил его внимание на юридическую сторону дела. Ответчиком является гостиница, она может потом в порядке регрессного иска все убытки взыскивать с англичанина. Но в отношении гражданской ответственности гостиницы существуют в советском Гражданском кодексе особые правила. Гостиницы, дома отдыха, санатории, общежития и тому подобные организации отвечают за утрату или повреждение имущества граждан, находящегося в отведенных им помещениях, хотя бы это имущество, кроме денег и драгоценностей, не было сдано на хранение этим организациям. Из этих правил вытекало, что за одежду погибшей, на-

ходившуюся в номере, гостиница несет ответственность. А вот бриллианты, как ценности, надо было сдать на хранение сотрудникам гостиницы в специальный сейф камеры хранения. Мой доверитель утверждал, что жена возвратилась в гостиницу очень поздно, камера хранения не работала, кольца и серьги — предмет украшения, и женщина вправе была их иметь при себе. По его мнению, эти украшения украли сотрудники гостиницы, когда обгоревшую Светлану Михайловну, находившуюся без сознания, направляли в больницу. Доказать это было очень трудно. Иск был все же предъявлен, и Ленинградский городской суд удовлетворил его частично. Я убедил моего доверителя, что нет смысла в дальнейшем обжаловании решения суда по этому трагическому, но для меня непонятному иску.

ОН НЕ ОТЕЦ

Говорят, что если собака укусит человека, то это обычная история, никого это не интересует и газеты писать об этом не будут. Но если человек укусит собаку, то это уже сенсация, это уже интересно, и об этом напишет любая газета. Так и с тем делом, о котором я хочу рассказать. В советских судах рассматриваются тысячи обычных дел, когда отец доказывает, что он не отец, возбуждает иск об аннулировании записи отцовства. Но я участвовал в необычном деле, когда женщина, мать ребенка, доказывала в суде, что ее муж не является отцом ее ребенка. Как возникло это дело? Ко мне пришла эта женщина и рассказала, что она собирается разводиться со своим мужем, что он человек больной, почти инвалид, очень нервный, что ее дочь, которой тогда было около двух лет, в действительности родилась не от него, а от ее связи с другим мужчиной, имеющим семью и не собирающимся эту семью разрушать, что этого мужчину она любит и поэтому решила иметь от него ребенка. Мужа она не любит и боится, что после развода он будет претендовать на участие в воспитании ребенка, а он страшный зануда, и от его претензий на участие в воспита-

нии ребенка у нее не будет покоя. Нами был предъявлен сначала иск о расторжении брака и указано в исковом заявлении, что общих детей нет. Ответчик, звали его Николай, пришел в суд и заявил, что он отец ребенка, что у него на работе все сослуживцы знают, что у него родился ребенок, что ему на работе ко дню рождения дочери сослуживцы сделали подарок, и как же он теперь заявит, что у него нет детей. Главное же заключалось в том, что он, как человек болезненный, ущемленный, был горд своим отцовством, действительно считал себя отцом и готов был доказывать свое отцовство, хотя судебное аннулирование записи об отцовстве освобождало бы его от уплаты средств на содержание ребенка. Нами, наряду с иском о расторжении брака, был предъявлен иск об аннулировании записи отцовства, оба иска были объединены в одно дело, и оно рассматривалось в Октябрьском районном суде Москвы, расположенном напротив Третьяковской галереи. Дело несколько раз откладывалось. Экспертиза крови ничего не дала, ибо она может лишь в некоторых случаях исключить отцовство, а категорические выводы из нее в большинстве случаев сделать нельзя. Мне стало ясно, что я не смогу успешно закончить это дело, если не положу на стол суда достоверное доказательство того, что Николай — не отец этого ребенка. В таких случаях я всегда начинал повторный розыск убедительных доказательств. Я пригласил к себе снова мать ребенка и стал ее подробнейшим образом опрашивать о всех обстоятельствах, связанных с рождением ребенка, еще и еще раз. В результате выяснилось, что перед родами она лежала в гинекологической больнице на сохранении беременности. Там ей делали анализ крови и просили, чтобы пришел на анализ крови отец ребенка. Этот анализ необходим для проверки резус-фактора, от которого зависят жизнь и здоровье ребенка. Будучи заинтересована в жизни и здоровье будущего ребенка и зная, кто действительно отец ребенка, мать ребенка послала на анализ не своего мужа Николая, а действительного отца, но под фамилией Николая. Она не хотела тогда и не хотела в суде раскрывать фамилию действительного отца ребенка. Это право женщины. Я получил запрос суда, сам поехал в гинекологическую больницу и получил в архиве лаборатории

копию интересующего нас анализа крови. После этого в ожидании очередного судебного заседания, сидя в скверике около здания суда, я спросил у ничего не подозревающего Николая: "А когда жена лежала на сохранении беременности, вы не ездили на анализ крови?" "Нет", — ответил Николай. После этого уже в судебном заседании я задал ему этот же вопрос в официальной форме, а после его отрицательного ответа возбудил ходатайство о приобщении к делу копии анализа крови, полученного мною в архиве лаборатории. Это было решающее доказательство. В своей речи по этому делу я сослался на царя Соломона, который, решая спор двух женщин о том, чей ребенок, решил его в пользу той, которая позаботилась о его жизни и здоровье. Так и здесь, мать ребенка, заботясь о его жизни и здоровье, пригласила на анализ крови на резус-фактор действительного отца, а не мужа, который считался тогда отцом. Суд вынес решение об аннулировании записи отцовства. Николай пытался обжаловать это решение в вышестоящие судебные инстанции, но решение осталось в силе. Оно было правильным и было основано на достоверном доказательстве.

КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ

Некоторые судебные дела, которые я вел, сами по себе большого интереса не представляли. Однако они позволяли немного заглянуть в мир советской элиты, кое-что узнать об их жизни. Как-то я вел дело о разделе большой подмосковной дачи между братом и сестрой после смерти их отца. Дело было сложное и тянулось в суде долго. За это время я хорошо познакомился с моим доверителем. Оказалось, что он инженер-строитель, служит в особой воинской части, подчиненной КГБ. Эта воинская часть занимается строительством и эксплуатацией домов и дач, в которых живут только члены и кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК КПСС. Он рассказывал, как в одном из подмосковных имений Л.И.Брежнева по его указанию

снесли прекрасное старинное здание и построили новое в стиле "модерн", ибо Леониду Ильичу нравилась окружающая природа, но не понравилась старинная архитектура. Мой клиент рассказал, что во всех домах, где живут члены Политбюро, плиты только электрические, не разрешается ставить какие-либо газовые плиты или газовые приборы во избежание взрыва газа. Рассказал, что жена Л.И.Брежнев при малейшей неисправности на даче водопровода, электропроводки или чего-либо еще звонила Ю.В.Андропову, подозревая диверсию или террористический акт. Он рассказал, что в те дни их воинская часть была занята сложными работами в Грановитой палате Кремля. По его утверждению, английское посольство в Москве, расположенное недалеко от Кремля, на противоположном берегу Москвы-реки, установило у себя совершенную радиоэлектронную подслушивающую аппаратуру и подслушало, в частности, ход переговоров с Де Голлем, которые велись в Грановитой палате Кремля. Теперь приходилось поднимать паркет Грановитой палаты Кремля, устанавливать там электронное оборудование, которое исключит подслушивание, и вновь укладывать паркет. Особо сложной задачей было вновь уложить паркет так красиво, как он был уложен в свое время. Для этого со всей страны собрали самых опытных и умелых мастеров. В Грановитой палате предполагалось вскоре провести международное совещание коммунистических и рабочих партий, и поэтому надо было срочно завершить все работы в этом кремлевском помещении.

Мне довелось участвовать в деле о расторжении брака и разделе имущества между сыном члена Политбюро ЦК КПСС Д.С.Полянского и его женой, тоже из элиты. Ее отец долгие годы работал на ответственной должности в Организации Объединенных Наций, а потом руководил крупным московским издательством. Вопрос о расторжении брака был ясен, нужно было разделить имущество, кооперативную квартиру, автомашину и т. д. В ожидании слушания дела мы однажды в суде беседовали на разные темы, ибо мне было интересно узнать настроение детей из элиты. Она работала в институте по трансплантации органов, который занимался в основном пересадкой почек, и рассказывала о том, что ее в тот момент волновало. В США име-

ется достаточно аппаратов, которые подключаются к большому и позволяют ему выжить, когда почка отказывается функционировать. Есть банк, где хранятся почки для пересадок, и можно выбрать подходящую для пересадки почку. В СССР очень мало аппаратов, которые остро нужны больным, нет банка почек, и в результате человеческая жизнь часто подвергается опасности. Но самое несусветное начало происходит у них в институте, когда был вывешен партийный призыв "К открытию съезда КПСС пересади́м 500 почек!" Началась вакханалия. Пересаживали что и как попало, не считаясь, подойдут почки или нет, приживутся или нет. Лишь бы выполнить обязательство к съезду. Молодые люди из элиты, в том числе сын члена Политбюро, говорили об этом и о советских порядках вообще с иронией, были настроены ко всему происходящему весьма критически, то есть так же, как определенные круги интеллигенции.

Я вел дело о разводе и разделе имущества дочери члена ЦК КПСС главного редактора "Литературной газеты" А.Б. Чаковского. Эта дочь доставляла своему отцу много хлопот и неприятностей. Она несколько раз была в браке, пьянствовала, охотно проводила время с иностранцами, диссидентами, всячески компрометировала своего отца. Однажды, когда отец и мать были в отъезде, она вышла погулять с собакой, познакомилась во дворе своего дома со своим очередным мужем, который тоже прогуливал собаку. Его отец был ответственным работником Министерства связи, в его руках была установка в Москве новых телефонов, что было постоянным дефицитом и обеспечивало прочные связи во всех сферах. В расторжении этого брака, родившегося при прогуливании собак, я и участвовал. Здесь тоже надо было делить автомашину и кооперативную квартиру. В беседе со мной дочь А.Б. Чаковского рассказывала, что, когда отец и мать возвратились в Москву и узнали, что намечается новый брак, то А.Б. Чаковский решил пригласить к себе домой на ужин родителей жениха своей дочери. Во время ужина он сказал жениху: "Я бы на твоём месте не женился на моей дочери". В ответ он услышал от своей дочери: "А я бы на месте мамы никогда не вышла бы за тебя замуж". Дочь говорила мне, что у отца нет никаких

принципов, что он весь пронизан советским фарисейством, ложью и обманом — в своих книгах, в редактируемой им газете, в своей жизни.

Ко мне часто обращались с просьбой вести дела в суде или за консультацией лица, работавшие в московском Институте США и Канады. Объяснялось это тем, что работавший там в одном из отделов профессор-юрист знал меня еще по аспирантуре и всем сотрудникам рекомендовал ко мне обращаться. Институт США и Канады — это особое учреждение, на мой взгляд, не только научное, но и еще более разведывательное. Обратилась ко мне из этого института как-то одна женщина, блестяще владеющая английским. Она расторгла брак с полковником КГБ, с которым проживала ряд лет в США, и собиралась уезжать со своим новым мужем в Сирию, куда тот был назначен одним из секретарей посольства. Она советовалась со мной по поводу раздела имущества с бывшим мужем — полковником КГБ. Пришла ко мне на прием в юридическую консультацию со своей взрослой дочерью, которая незадолго до этого возвратилась из-за границы, где проработала три года со своим мужем-журналистом. В этом разговоре пришли к выводу, что имеет смысл мне побеседовать с этим полковником КГБ, чтобы вопрос о разделе нажитого в США имущества решить мирно, без суда. Я согласился на это. Дочь меня предупреждает: "Только вы с ним осторожнее разговаривайте. Понимаете, где он работает. Это же мафия, они все могут сделать". Таково мнение детей о своих родителях, о нравственном уровне людей из советской элиты и их охранителей из советской мафии.

По одному из дел мне пришлось познакомиться с крупным инженером-евреем, работавшим в Главном управлении строительства шоссейных дорог. Он рассказал мне о таком эпизоде. Дорог не хватает. Их строительство обходится очень дорого. Сооружение одного километра современной шоссейной дороги стоит один миллион рублей. Однажды в Главное управление строительства шоссейных дорог поступила заявка из Министерства Обороны построить в Подмоскovie ответвление от основной шоссейной магистрали в сторону к какому-то объекту, и было указано, что финансирование строительства будет производить Минис-

терство Обороны. Ответвление дороги было построено, и каково же было удивление строителей, когда оказалось, что этим объектом, к которому они построили дорогу, оказался охотничий домик Л.И.Брежнева! Позже я узнал, что все такие сооружения для высокой элиты финансируются из бюджета военного ведомства, чтобы меньшее число советских людей знало, на что тратятся народные деньги.

КТО УБИЛ ЗОЮ ФЕДОРОВУ?

Известная советская киноактриса Заслуженная артистка РСФСР лауреат Государственных премий Зоя Федорова была на протяжении последних лет моей московской жизни и последних лет ее жизни моей клиенткой. По ее доверенности я вел ее гражданские дела в суде, был ее личным адвокатом. Она очень часто приезжала ко мне домой и в юридическую консультацию посоветоваться по самым различным вопросам. Когда ее убили, следственные органы нашли, естественно, в бумагах Зои мою адвокатскую визитную карточку и копии ее доверенностей на мое имя. Поэтому меня вызвали в качестве свидетеля для допроса по делу о ее убийстве. Но расскажем все по порядку.

Зоя Федорова начала консультироваться со мной в период, когда ее дочь Виктория или, как она ее называла, Вика, уехала в США. Зоя подробно рассказывала о своей трагической судьбе, о романе с американцем, гневе советских властей, обвинении в шпионаже, угрозе смертной казни, замененной 25 годами лишения свободы, о рождении Вики. Подробно рассказывала о том, как маленькая Вика была брошена уголовниками в отхожее место, зацепилась руками за доски и была спасена политическим заключенным; как они возвратились в Москву, где все ее имущество было конфисковано. Рассказывала о первой поездке Вики спустя много лет в США на встречу с отцом — американским адмиралом, который сейчас умер.

В США Вике была устроена торжественная встреча, ей посвятили специальное телевизионное шоу. Для американ-

цев, любителей сенсаций, это был подходящий случай: приехало дитя любви, дочь американского адмирала и известной советской киноактрисы, тяжело пострадавшей из-за любви к американцу. Во время этого телевизионного шоу к Вике, по рассказу Зои, подошел молодой человек с белозубой улыбкой и вручил ей от имени телезрителей ключи от автомашины новейшей марки. Вика не растерялась. Она поблагодарила за подарок и сказала: "Надеюсь, что в следующий раз мне подарят уже не автомобиль, а самолет". Ее слова оказались пророческими. В нее влюбился американец — пилот "Боинга", совершающего рейсы из США в Европу и обратно. Возникла новая семья, и от этого брака родился Христофор, внук Зои. Зоя несколько раз летала в США в гости к дочери, жила там по нескольку месяцев, отдыхала там душой. По возвращении рассказывала мне о Христофоре, об американских друзьях, показывала фото дочери. Ее дочь очень красивая и умная женщина, в СССР снималась в кинофильме "Двое" и других фильмах, внешне она не похожа на Зою, а больше на отца. Имеет вид типичной американки. По приезде в США зарабатывала деньги тем, что журналы американских парфюмерных фирм фотографировали ее для своих обложек. Позже снималась в американском фильме, играла роль диссидентки. После нескольких поездок в США Зоя решила уехать к дочери совсем. Она говорила мне, что не может бросить свою собаку, а когда собака умерла, то вопрос отъезда был для нее решен. Нужно было отрегулировать имущественные дела. Ей должен был деньги известный кинодраматург лауреат Ленинской премии В.И.Ежов и не отдавал. Напоминания не действовали. Пришлось мне по доверенности Зои предъявить к В.И.Ежову иск в Киевский районный суд Москвы. В.И.Ежов не признавал иска, выставял лжесвидетелей, но у нас была его расписка, хотя составленная и не по установленной законом форме, и деньги с него взыскали. Нужно было передать автомашину и дачу племянникам, а это тоже было сложно, ибо в СССР передача автомашин и дач даже родственникам обставлена рядом формальностей и преград. Все это было нами проделано и оформлено. Мелкие ценные вещи Зое удалось передать через посредство одной итальянки дочери. Таким образом, она освободилась

от имущества. К этому вопросу Зоя относилась серьезно, ибо уже один раз лишилась всего из-за конфискации имущества и не хотела, чтобы все ее вещи пропали снова. Но когда Зоя в очередной раз обратилась за визой для поездки в гости к дочери в США, ей в выдаче визы отказали.

В Московском ОВИРе между Зоей и принимавшим ее чиновником состоялся бурный разговор. Он ссылаясь на то, что дочь себя ведет ненадлежащим образом: сыграла в американском фильме роль диссидентки. Зоя гневно возражала: "Я играла колхозниц! А она что, тоже должна там играть колхозниц? Вот она и сыграла диссидентку!" Гнев советских властей был связан с тем, что Вика подготовила книгу о любви отца и матери, о всей трагической истории их жизни, и хотела сниматься в фильме по этой книге. Зоя вела себя в ОВИРе резко, бурно выражала возмущение по поводу того, что ее не пускают к дочери и внуку, вспоминала все, что ей довелось пережить. Она люто ненавидела режим, который причинил ей столько страданий. После отказа в выдаче визы матери Вика подняла кампанию протеста в США, обратилась к президенту Рональду Рейгану, как к бывшему киноактеру. На квартире у Вики не умолкал телефон. Американцы выражали ей сочувствие. Пятилетний Христофор, слушая все эти разговоры, заявил: "Я вырасту большой и накажу тех, кто не пускает ко мне мою бабушку". Зоя тяжело переживала отказ в выдаче визы, но надеялась все же на благоприятное решение вопроса. Периодически участвовала в выездных концертах. В это время она особо часто приезжала ко мне домой советоваться. Внезапно меня потрясло известие о том, что Зоя Федорова убита у себя на квартире. Никакого официального сообщения об этом не было. По Москве поползли различные слухи. Говорили об убийстве с целью ограбления. Мне лучше других было известно, что грабить у нее было нечего. Говорили, что убийство организовано КГБ, ибо боялись ее выезда в США и боялись новой шумной кампании в США по поводу ее трагической судьбы. Хоронили Зою Федорову на Ваганьковском кладбище. На отпевание в церкви при кладбище и на похороны собралось множество людей, было много театральных и кино-актеров. Дочери приехать на похороны не разрешили. Боялись,

как всегда на таких похоронах, нежелательных для властей эксцессов. КГБ и милиция наводнили Ваганьковское кладбище своими силами, используя опыт, накопленный на похоронах Бориса Пастернака, Ильи Эренбурга, Владимира Высоцкого.

Началось расследование по делу об убийстве Зои Федоровой. Меня вызвали на допрос в качестве свидетеля к следователю прокуратуры Киевского района Москвы. Я не могу точно сказать, действительно искали ли они убийцу, или это следствие проводилось для прикрытия известных властям убийц. Некоторые соображения есть в пользу второго предположения. Если бы действительно нужно было найти убийц такого известного человека, как Зоя Федорова, то следствие было бы поручено более опытным в расследовании дел об убийствах лицам — следователям по особо важным делам прокуратуры СССР, РСФСР, самое меньшее — прокуратуры города Москвы. Дело же было поручено районной прокуратуре. Я счел необходимым рассказать следствию только то, что могло помочь найти убийц, если те, с кем я говорил, действительно этого хотели. Я поведал им о двух случаях, о которых знал со слов Зои. Они имели место за месяца два до ее гибели. Первый случай был таков. Поздно вечером Зоя была одна в своей квартире. Раздался звонок и стук во входную дверь. Она дверь не открыла и спросила, кто стучит. Мужской голос из-за двери ответил: "Я приехал из Ленинграда и привез вам привет от вашей подруги такой-то". Зоя хорошо знала, что эта подруга-актриса некоторое время тому назад умерла, но, притворившись ничего не знающей, спросила: "А как поживает подруга?" Он ответил: "Она поживает хорошо и того же вам желает". Зоя не открыла ему дверь, а потом, рассказав мне об этом случае, говорила: "После этого визита у меня было жуткое настроение, будто я получила привет с того света". После этого случая Зоя стала бояться непрошенных гостей, закрывала дверь на все запоры и вставляла еще в ручку двери большую палку. О втором случае Зоя рассказывала вскоре после первого. Поздно вечером Зоя вышла на балкон и увидела, что кто-то из кустов целится в нее из какого-то оружия. Она зашла в квартиру, взяла палку и, выйдя снова на балкон, сделала вид,

что сама целится из палки, как из ружья. Человек, целившийся в нее, удалился. Второй ее рассказ вызвал у меня сомнения. Первый рассказ я воспринял как достоверный. Из всего этого ясно, что накануне гибели Зоя Федорова была запугана и кто-то ставил перед собой цель запугать ее. Следователь, который расследовал дело о ее убийстве, говорил мне, что убита она была выстрелом из пистолета в затылок в то время, когда говорила по телефону. Непонятно было и то, как стрелявший вошел в квартиру. Позже по Москве была распространена другая версия убийства. Будто Зоя за год до этого запомнила в лицо уголовника, который проник в квартиру этажом ниже и ограбил эту квартиру. Спустя год Зоя узнала его в магазине и выдала властям. Убийство Зои совершил якобы этот уголовник из мести. Эта версия появилась, на мой взгляд, потому, что в версию с убийством с целью ограбления не поверили. Главное же не в этом, не в этих надуманных версиях и не в том, что власти задерживали по подозрению в убийстве Зои ни в чем не виновных людей, как, например, трех молодых людей, которые заходили к ней за несколько дней до убийства по поводу ремонта магнитофона. Главное, что мы до сих пор не знаем, был ли вынесен Зое Федоровой повторный смертный приговор теми, кто вынес ей 40 лет тому назад первый такой приговор. Так или иначе, Зоя Федорова останется в истории советского искусства человеком на редкость трагической судьбы, хотя по милости советских властей трагических судеб среди талантливых деятелей советского искусства великое множество. Заканчивая этот очерк о жизни и смерти Зои Алексеевны Федоровой, я решил заглянуть в советский энциклопедический кинословарь, изданный в 1970 году, и посмотреть, что там сказано о Зое. Там написано, что в 30 — 40-х годах она была одной из самых популярных актрис советского кино, что "лейт-мотив творчества Федоровой — образ молодой комсомолки, смелой, решительной, стойкой, беззаветно храброй, преданной Родине, простой и лиричной, веселой и задорной", что "обаятельная женственность, непосредственность сочетаются в образе ее героинь с душевным мужеством". После этого в реальной жизни Федоровой было обвинение в шпионаже, угроза смертной казни, длительное лишение

свободы. Конечно, об этом в киноэнциклопедическом словаре нет ни одного слова. А без всякого смущения далее написано, что "в 50 — 60-х годах раскрылось комедийное дарование актрисы". В моей памяти Зоя Алексеевна останется человеком обаятельным, веселым, мужественным и душевным. Ваганьковское кладбище в Москве, где покоится прах Зои Федоровой, находится недалеко от юридической консультации, где я проработал десятки лет, и я много раз бывал на этом кладбище. Там у могил Сергея Есенина, Владимира Высоцкого, а теперь и Зои Федоровой собираются почитатели их дарования, читают стихи, поют под гитару, выпивают и оплакивают горькую судьбу этих талантливых людей.

ИСК ДОЧЕРИ ШАЛЯПИНА

Осенью 1984 года советские власти добились того, к чему они стремились давно. Осуществили перенос праха великого русского певца Федора Ивановича Шаляпина с парижского кладбища Батиньоль, где он был похоронен 18 апреля 1938 года, на Новодевичье кладбище в Москве. Для этого советским властям пришлось дожидаться смерти тех детей Шаляпина, которые категорически возражали против этого переноса, и уговорить оставшихся в живых. Дети возражали, ибо известно, что отец после предложения М. Горького возвратиться в СССР с возмущением и резко заявил: "К этой сволочи ни живым, ни мертвым!" Дети исполняли волю отца. Когда советские газеты сообщили о переносе праха Ф.И.Шаляпина и вторичном захоронении его 29 октября 1984 года на Новодевичьем кладбище, то фарисейски указали, что перенос праха произведен с согласия детей, выполнявших волю отца.

Фарисейство и обман сопровождают все отношение советских властей к памяти Федора Ивановича Шаляпина, славе и гордости русского народа.

Это отношение наглядно видно и в том интересном судебном деле по иску дочери Шаляпина, которое я провел

в 60-х годах в Москве. Оно мне вспомнилось во всех подробностях сейчас в связи с переносом праха Шаляпина из Парижа в Москву.

У Шаляпина было много детей от двух его официальных браков с первой женой — итальянской балериной Иолой Игнатьевной Торнаги-Шаляпиной и со второй женой — Марией Валентиновной Петцольд-Шаляпиной.

Я же вел дело по иску дочери Шаляпина не от этих двух браков.

В 1902 году в Петербурге от связи Федора Ивановича Шаляпина с хористкой Вербицкой родилась у него дочь Людмила. Сразу после рождения этой дочери Ф.И.Шаляпин внес в Петербургский сиротский банк 10000 рублей золотом на имя Вербицкой и 5000 рублей золотом на имя Людмилы с тем, чтобы они были получены по достижении Людмилой совершеннолетия. Эти деньги Людмилой и ее матерью не были получены, потому что Людмила достигла совершеннолетия уже после Октябрьской революции, когда этого банка не существовало. Связь хористки Вербицкой с Ф.И.Шаляпиным продолжалась несколько лет, а потом эта женщина вышла замуж за известного и богатого деятеля Государственной Думы, и ни она, ни ее дочь не нуждались в материальной помощи со стороны Ф.И.Шаляпина. Людмила, став взрослой, вышла замуж за сына известного русского художника Верещагина, а после его смерти во втором замужестве приобрела фамилию Геле. Но и этот брак был недолгим.

После отъезда Ф.И.Шаляпина из СССР за границу, когда его имя было предано советскими властями анафеме, Людмила Федоровна Геле нигде не ставила вопроса о признании ее дочерью Ф.И.Шаляпина. Только в 1938 году, после смерти Ф.И.Шаляпина, когда возникла речь о наследстве, Л.Ф.Геле представила в Инюрколлегия — советскую организацию, отыскивающую наследства в пользу советских граждан, — документы о том, что Ф.И.Шаляпин вносил на ее имя и имя ее матери деньги. Эти документы в Инюрколлегии были утеряны, и позже пришлось в судебном порядке с вызовом работников Инюрколлегии доказывать, что эти документы были. Такое судебное решение о существовании этих документов состоялось уже после

Второй мировой войны. Никакой доли из наследственного имущества Ф.И.Шаляпина Людмила Федоровна не получила. Она страшно бедствовала, жила одна, работала секретарем и получала весьма скромную зарплату. У нее сохранилось много личных вещей и реликвий ее великого отца. Она сумела их сберечь в тяжелейших условиях ленинградской блокады. После Второй мировой войны, когда в СССР стали проявлять интерес к памяти Ф.И.Шаляпина, многие музеи охотно приобрели бы у нее эти Шаляпинские реликвии. Но Людмила Федоровна заявила, что она передаст все это в музеи, только если она официально будет признана дочерью Федора Ивановича Шаляпина и в экспозициях будет указано, что это дар дочери великого певца, а ей будет назначена государственная персональная пенсия как дочери, сохранившей эти реликвии в условиях военного времени. Ее обращения в самые различные высокие инстанции, к Н.С.Хрущеву, к министру культуры СССР Екатерине Фурцевой ничего не дали. Ее не признавали дочерью, не назначали пенсии.

В 60-е годы Людмила Федоровна пришла ко мне в юридическую консультацию как к адвокату, проводившему много дел о признании отцовства. Я понимал всю сложность ее дела, но взялся за него и в конце концов добился судебного решения, по которому Людмила Федоровна Геле была признана дочерью великого русского певца Федора Ивановича Шаляпина. За время подготовки дела к слушанию и ведения дела в суде Людмила Федоровна неоднократно бывала у меня дома и в юридической консультации. При каждой встрече с ней я и все, кто ее видели, не уставали удивляться ее поразительному сходству с отцом. Ее нельзя было назвать красивой. Лицо Людмилы было точным воспроизведением лица ее отца. Те черты Шаляпинского лица, которые придавали ему мужественность и величавость, делали женское лицо некрасивым. Но все, кто ее видели, всегда говорили: "Вылитый Шаляпин".

Ее внешнее сходство с Шаляпиным ничем не облегчило мою задачу. Я должен был собрать и положить на стол суда достоверные юридические доказательства того, что Людмила Федоровна — дочь Шаляпина. В это время в СССР были введены в действие новые Основы законодательства о бра-

ке и семье Союза ССР и союзных республик и новый Кодекс о браке и семье РСФСР. В соответствии со статьей 48 нового Кодекса о браке и семье РСФСР, в случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке, отцовство может быть установлено в судебном порядке по заявлению также самого ребенка по достижении им совершеннолетия. В этой же статье указывалось, что для установления отцовства суд принимает во внимание любое из определенных доказательств, перечисленных в этой статье, а именно: совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка или совместное воспитание либо содержание ими ребенка или доказательства, с достоверностью подтверждающие признание отцовства.

Я выбрал два вида доказательств (признание отцовства и содержание отцом ребенка) и стал искать письменные и свидетельские подтверждения этому. Поехал к Людмиле Федоровне домой посмотреть личные вещи и реликвии, оставшиеся ей от отца. Она жила в Москве в одном из заброшенных переулков в районе Павелецкого вокзала, в убогой полутемной комнате коммунальной квартиры без удобств. Но обнаружил у нее действительно бесценные реликвии: много личных вещей Федора Ивановича Шаляпина, его рисунки, скульптуры, прекрасные фотографии в различных ролях его репертуара, альбомы любительских и профессиональных фотографий, где Ф.И.Шаляпин и М. Горький сфотографированы в самых забавных видах, в том числе на пляже и без всякой одежды, машинописный текст неопубликованного рассказа Максима Горького, подаренный Федору Ивановичу Шаляпину, и много другое. Все это было интересно, но это было не то, что я мог положить на стол суда в качестве юридических доказательств по иску о признании отцовства.

Какие же доказательства я представил суду?

Документы, подтверждающие, что сразу после рождения Людмилы Ф.И.Шаляпин внес 10000 рублей золотом на имя матери Людмилы и 5000 рублей золотом на имя Людмилы в Петербургский сиротский банк. Но этих документов было мало. Важно было подтвердить, что после рождения Людмилы Ф.И.Шаляпин ее хотя бы какое-то время со-

держал. Известно, что расходные книги Ф.И.Шаяпина вел его личный друг и секретарь Исая Григорьевич Дворицин, умерший в 1942 году. Он был и хранителем имущества Ф.И.Шаяпина после выезда артиста из СССР. Эти расходные книги частично сохранились. Мне удалось найти журналиста Дембо, автора сценария телевизионного фильма о Ф.И.Шаяпине "Дом на улице Графтио", и он, будучи вызван мною в суд в качестве свидетеля, подтвердил тот факт, что в расходных книгах Федора Ивановича Шаяпина есть записи Исаея Григорьевича Дворицина о выдаче денег на содержание дочери Людмилы. Это было одно из важных доказательств, подтверждавших факт нахождения ребенка на содержании у отца.

Мною было представлено письмо писателя Льва Вениаминовича Никулина, друга М.Горького и автора воспоминаний о Ф.И.Шаяпине, о том, что ему со слов М.Горького было известно о наличии у Ф.И.Шаяпина внебрачной дочери. Представлена была фотография, на которой были сфотографированы друг Шаяпина — писатель А.В.Амфитеатов с женой и Ф.И.Шаяпин с матерью Людмилы — хористкой Вербицкой.

Важное доказательственное значение имело письмо ветерана сцены артиста Павла Дриго, представленное мною суду. В этом письме Павел Дриго вспоминал, как в сезон 1909 — 1910 годов он выступал в кафешантане в Ростове-на-Дону с куплетами, в частности о писательнице Вербицкой. В ложе сидел Федор Иванович Шаяпин с известной артисткой Плевицкой. Через лакея Ф.И.Шаяпин пригласил Павла Дриго к себе в ложу, угостил шампанским и рассказал, что хорошо знал не писательницу Вербицкую, а хористку Вербицкую, у которой от него есть дочь Людмила. За здоровье Людмилы выпили троем: Ф.И.Шаяпин, Плевицкая и Павел Дриго. Тут же Павел Дриго по своему обыкновению сочинил экспромт и прочитал его Шаяпину и Плевицкой: "В душе у Федора Шаяпина осталась, видимо, царапина о дочери его Людмиле, за здоровье которой мы здесь пили шампанское троем с артисткой Плевицкой и вспоминали о Вербицкой". В этом же письме Павел Дриго вспоминал, как в 20-х годах в Петрограде его познакомили с матерью Людмилы — Вербицкой; как он бывал в их доме,

познакомился с Людмилой — ”вылитым Шаляпиным”, рассказывал им о ростовской встрече с Ф.И.Шаляпиным, а когда бывал в гостях у Людмилы, то всем своим друзьям и знакомым говорил, что был в гостях у дочери великого русского певца Федора Ивановича Шаляпина и у сына известного русского художника Верещагина. Письмо Павла Дриго подтверждало факт признания Ф.И.Шаляпиным отцовства в отношении Людмилы.

Народный суд одного из районов Москвы подверг все эти и другие представленные мною доказательства тщательному исследованию и вынес судебное решение, по которому Людмила Федоровна Геле была признана дочерью великого русского певца Федора Ивановича Шаляпина. Это решение спустя 10 дней после его вынесения вступило в законную силу, и Людмиле Федоровне было выдано новое свидетельство о рождении, в котором ее отцом был указан Федор Иванович Шаляпин. Теперь она имела законное основание передавать Шаляпинские реликвии в музеи как дочь великого певца и просить о назначении ей государственной персональной пенсии как дочери Ф.И.Шаляпина, сохранившей исторические реликвии отца. Тем более, в это время состоялось правительственное постановление о создании музея Ф.И.Шаляпина. Но Людмилу ждали новые мытарства. Почти все дети Ф.И.Шаляпина от его двух официальных браков жили вне СССР. В СССР в это время жила лишь одна его дочь Ирина, родившаяся от его брака с И.И.Торнаги. Эта Ирина была в полном контакте с советскими властями, в своих воспоминаниях об отце и высказываниях о нем воспроизводила официальную клевету о том, что якобы после выезда из СССР Ф.И.Шаляпин перестал творчески расти, что его искусство за 17 лет жизни вне СССР ничем не обогатилось. Ирина монополизировала в своих руках издание всех воспоминаний о Ф.И.Шаляпине, была консультантом всех музейных экспозиций. И вдруг она узнает, что советский суд признал, что в СССР живет еще одна дочь Ф.И.Шаляпина! Это было ей крайне не по нраву, и она бросилась оспаривать вынесенное в пользу Людмилы судебное решение. Началась новая судебная эпопея в Московском городской суде, истребовались новые документы, запросили из Инюрколлегии наследственное

дело Ф.И.Шаляпина. Я ознакомился с его очень интересным завещанием, составленным в 1936 году в Париже за два года до смерти. Было много судебных заседаний. Было много волнений. Было обидно видеть этот долгий спор двух дочерей великого отца. Этот спор стоил много здоровья обеим сестрам, которые были уже в почтенном возрасте. При всех усилиях Ирины и ее адвоката они не смогли противопоставить ничего существенного достоверным доказательствам, на основании которых еще в районном суде Людмила Федоровна Геле была признана дочерью Федора Ивановича Шаляпина.

СОДЕРЖАНИЕ

Дора Штурман. Слово о подсоветском мире	5
Введение	7
Миллионер из Ташкента	11
Взятки за поступление в институт	15
Расхитители из Министерства внешней торговли	20
Пиво и вода	23
Дома терпимости в Москве	28
Разбойные нападения на гомосексуалистов	31
Брат убил брата	35
Дела об изнасилованиях	37
Попытка сжечь себя у американского посольства в Москве	41
Убийство аспирантки	43
Драка в ресторане "Будапешт"	47
Упал строительный кран	49
Разбой на кладбище	50
Расхитители в морге	52
Мошенники	53
Покушение на убийство 17-летней возлюбленной	57
Потерпевшие — слон и бегемот	59
Без сиропа	60
Советские дети и французская фирма	62
Любовница канадского бизнесмена	63
Милицейские документы	66
Адвокатские анекдоты и истории	67
Судебное дело, где свидетелями Карпов, Ботвинник и Петросян	69
Наследственное дело Ильи Эренбурга	72
Иск Лакшина к газете "Вечерняя Москва"	77

Дела о разводах и разделе имущества супругов	79
Судебные споры о детях	82
Споры об отцовстве	85
Судебные иски изобретателей	87
Собаки и свободный мир	93
Бриллианты и пожар в гостинице "Астория"	94
Он не отец	97
Кое-что из жизни советской элиты	99
Кто убил Зою Федорову?	103
Иск дочери Шаляпина	108

